МЕЖДУ АДОМ И ЛЮБОВЬЮ

Валерий Красноголовый

Валерий Красноголовый

Между адом и любовью

«Автор»
2026

Красноголовый В.

Между адом и любовью / В. Красноголовый — «Автор», 2026

изгнанная из ада «дочь тьмы». Её сила — не только разрушение, но и способность видеть чужие страхи и усиливать их (иногда против воли). Изгнание — наказание за неповиновение и попытку спасти сестру. В человеческом мире её силы нестабильны: вспышки эмоций вызывают мелкие катастрофы.

© Красноголовый В., 2026
© Автор, 2026

Валерий Красноголовый
Между адом и любовью

«Посвящается тем, кто не дал тьме стать
единственной правдой.

Насте, моей любимой, — за любовь, которая сильнее любого ада. Ты была тем самым светом на границе двух миров: когда вокруг сгущалась тьма и слова не находились, твой голос напоминал, что где-то рядом всё ещё есть тепло. Спасибо, что не отпускала мою руку, даже когда мне казалось, что держаться уже нечем.

Настиной маме Наташе — спасибо за ваше тихое, но такое надёжное тепло. За ваши добрые слова и за ту особую домашнюю тишину, в которой даже самые тяжёлые мысли перестают быть врагами и начинают складываться в строки. Вы стали для меня частью того самого дома, куда хочется возвращаться из любой бури.

Настиным сёстрам, Алине и Маше, — спасибо за вашу лёгкость и искренность, за смех, который разгоняет тяжёлые тучи, и за то, что вы умеете просто быть рядом. В ваших разговорах, в ваших заботах, в ваших тихих «давай попробуем ещё раз» я находил те самые детали, из которых потом складывались сцены и фразы. Вы — мой тихий дом, куда можно вернуться, даже если книга ведёт по самым тёмным дорогам.

Светлане и Валентину, моим родителям, — за веру, которая держала меня на ногах. Она была негромкой, но твёрдой, как фундамент: не требовала аплодисментов, но не позволяла сдаться. Спасибо, что верили в меня тогда, когда я сам в себе сомневался, и тем самым дали мне право писать о борьбе — потому что я знал, что за спиной есть опора.

Спасибо, что были со мной на этой границе — между адом и любовью.

Ваш Валерий Красноголовый»

Глава 1. Изгнание

Дождь хлестал по асфальту, будто пытался смыть город целиком. Капли били по лицу, стекали по волосам, пробирались под тонкую ткань куртки, но Настя почти не чувствовала холода. Она вообще почти ничего не чувствовала — только тупую, звенящую пустоту там, где раньше была привычная тяжесть ада. И ещё — нарастающий гул внутри, как будто кто-то крутил ручку громкости на максимум, и этот звук шёл не извне, а из неё самой.

Она упала на колени посреди пустой улицы, и в ту же секунду фонари погасли, а трещины в асфальте засветились тусклым багровым светом. Не ярко, не эффектно — скорее, как тлеющие угли под тонкой коркой пепла. Настя не знала, где она, не знала, как здесь оказалась. Последнее, что она помнила — ледяной голос надзирателя: «Ты нарушила запрет. Ты пыталась спасти сестру. Теперь ты не наша и не их». А потом — толчок, как будто её швырнули сквозь стену из мокрого стекла, и вот она здесь: на мокром тротуаре, в чужом городе, где даже воздух пах иначе — бензином, мокрым бетоном и чем-то сладковатым, почти детским, вроде ванильного сиропа из кофейни.

«Не сейчас, пожалуйста, не сейчас», — шептала она, сжимая кулаки до побеления костяшек. Но мир вокруг уже откликался: капли дождя падали не вертикально, а изгибались, словно их тянуло к ней, как железные опилки к магниту. Где-то

вдалеке завыла сирена, и звук этот был не просто звуком — он царапал нервы, цеплялся за страх, который Настя пыталась держать в узде.

Она подняла голову и увидела своё отражение в витрине — и не узнала себя. В глазах плескался чужой, холодный огонь, будто кто-то поднёс спичку к тёмной воде. «Я не хочу быть этим», — подумала она. Но город уже знал, что она здесь.

Настя попыталась встать, но ноги не слушались. Они будто забыли, как держать вес, как сгибаться и разгибаться, как быть человеческими. В аду она ходила по раскалённым плитам, по стеклу, по воздуху, если надо. Здесь же даже асфальт казался предательски скользким, чужим.

Сила внутри неё рвалась наружу, как дикий зверь в тесной клетке. Настя чувствовала, как она пульсирует в венах, как отзывается на каждый удар сердца, как ищет выход — через пальцы, через взгляд, через слова, которые она не решалась произнести. Она знала, что если сейчас сорвётся, если позволит этому огню вырваться, то пострадают невинные. В аду невинных не было. Здесь — они были везде.

Рядом, в переулке, послышался шорох. Настя резко обернулась, и в тот же миг тень от фонаря дрогнула, потянулась к ней, как живое существо, и застыла, будто испугавшись собственного движения. Из темноты вышел бездомный кот — мокрый, взъерошенный, с одним ухом, будто надкушенным. Он замер, уставился на Настю жёлтыми глазами, потом тихо мяукнул — не жалобно, а скорее удивлённо, как будто увидел что-то, чего не должно быть.

— Не подходи, — прошептала Настя, но голос прозвучал хрипло, будто она долго кричала и сорвала связки. Кот не послушал. Он сделал шаг вперёд, потом ещё один, и вдруг — вспышка.

Не яркая, не ослепляющая — скорее, как разряд статического электричества. Кот взвизгнул, поджал хвост и метнулся в сторону, оставив на мокром асфальте едва заметный след когтей. Настя закрыла лицо руками.

— Прости, прости, — бормотала она, хотя кот уже скрылся в темноте. — Я не хотела.

Но дело было не в коте. Дело было в том, что сила не спрашивала разрешения. Она просто была — и искала, куда ударить.

Настя огляделась. Улица была пуста, но не по-хорошему, а по-больничному — стерильно, неестественно. Как будто город затаил дыхание, ожидая, что будет дальше. Вдалеке мигал светофор, но даже его ритм казался сбившимся, неровным, будто он тоже чувствовал эту странную вибрацию в воздухе.

Она попыталась вспомнить, чему её учили в аду — как гасить внутренний огонь, как прятать его под слоями льда и молчания. Но здесь лёд таял, а молчание не работало. Здесь тишина была слишком громкой, слишком пустой.

Вдруг из-за угла донёсся другой звук — не сирена, не дождь, а что-то тёплое, человеческое. Смех. Тихий, неуверенный, но настоящий. И вслед за ним — голос:

— Эй, ты в порядке?

Настя подняла голову. На углу стоял парень в тёмно-зелёной куртке с капюшоном. Он не бежал, не кричал, не доставал телефон. Просто стоял и смотрел — не на её глаза, не на светящиеся трещины, а на неё. Как на человека.

— Я… — начала Настя, но слова застряли в горле. Она хотела сказать «нет», хотела сказать «уходи», хотела сказать «я опасна». Но вместо этого выдохнула: — Мне холодно.

Это было правдой. И это было самым безопасным, что она могла сказать.

Парень кивнул, будто это всё объясняло.

— Понимаю. Дождь тут не просто мокрый, он какой-то… въедливый. Пойдём, тут рядом кофейня. Там тепло, и никто не будет тебя судить.

Он не спросил, почему она стоит на коленях посреди улицы. Не спросил, почему фонари погасли. Не спросил про светящиеся трещины. Он просто протянул руку — не хватая, не дёргая, а предлагая. Как будто знал, что если схватить, она сломается.

Настя посмотрела на эту руку. На обычные пальцы, на каплю дождя, скатившуюся по рукаву. На тепло, которое, казалось, исходило даже от ткани куртки.

И впервые за долгое время она подумала: «Может быть, здесь можно быть не монстром. Может быть, здесь можно просто быть».

Она медленно, осторожно, будто каждое движение могло вызвать новую вспышку, встала. И взяла его руку.

Настя осторожно сжала пальцы парня — не крепко, а едва-едва, будто боялась, что от её прикосновения у него онемеют руки. Он не дёрнулся, не поморщился, только чуть крепче придержал её ладонь, помогая подняться. Асфальт под ногами всё ещё казался предательски скользким, как будто город не хотел, чтобы она твёрдо стояла на земле.

— Держись за меня, — спокойно сказал он, будто это была самая обычная просьба, вроде «помоги донести пакеты». — Тут до кофейни метров двести. Если устанешь — скажем, что я несу заказ и просто иду медленно.

Настя хотела возразить, сказать, что она не беспомощная, что в аду она ходила по лезвиям и не спотыкалась. Но здесь, в этом мокром, шумном, слишком живом городе, ноги действительно дрожали. И не только от холода.

Они двинулись вдоль улицы. Настя старалась не смотреть по сторонам, но город сам лез в глаза: неоновые вывески, которые мигали не в такт друг другу, витрины, где отражались сразу десятки её искажённых силуэтов, мокрые афиши, с которых стекали буквы, будто чернила плакали. Каждый звук — скрип тормозов, чей-то смех из подъезда, шуршание пакета в урне — казался слишком громким, будто кто-то выкрутил громкость на максимум.

Сила внутри неё не утихла — она просто притаилась, как хищник в полумраке, выжидая момент. Настя чувствовала её пульсацию в висках, в кончиках пальцев, в каждом вдохе. Она знала: если сейчас испугается по-настоящему, если позволит панике взять верх, улица снова ответит. Фонари могут погаснуть, асфальт — треснуть, а люди — закричать. И тогда парень рядом поймёт, что она не просто промокшая девушка, а нечто, от чего нужно бежать.

— Как тебя зовут? — спросил он, не глядя на неё, будто специально не хотел смущать пристальным вниманием. — Я, кстати, Валерий. Работаю в той самой кофейне. Если спросят, скажу, что ты моя знакомая, которая попала под ливень. Никто не будет задавать лишних вопросов.

— Настя, — прошептала она, и собственное имя прозвучало странно, будто она давно его не произносила. В аду её называли иначе — по титулам, по проступкам, по номерам. «Настя» здесь казалось слишком маленьким, слишком хрупким словом для той силы, что жила внутри.

— Приятно, Настя, — кивнул Валерий, и в этом «приятно» не было ни фальши, ни попытки её подбодрить. Просто констатация факта, как если бы они встретились на лекции и обменялись именами перед началом занятия. — Знаешь, у нас там сегодня какой-то странный день. Кофемашина то шипит, то замолкает, будто обижается на погоду. Я уже с ней почти договорился, так что, думаю, горячий чай

мы тебе точно обеспечим.

Настя почти улыбнулась — и тут же сдержала эту улыбку, испугавшись, что даже такое маленькое движение может что-то спровоцировать. Но сила не рванулась наружу. Вместо этого она почувствовала, как напряжение чуть-чуть ослабло, будто само упоминание обычного, будничного — кофемашины, чая, дождя — немного заземляло этот безумный вечер.

Они свернули в переулок, который казался чуть тише, чем главная улица. Здесь не было яркого неона, только тусклый свет одинокого фонаря, который мигал, как уставшее сердце. И тут Настя заметила это — тонкую, едва заметную линию, бегущую по стене старого дома. Линия не была трещиной в обычном смысле: она светилась изнутри, холодным, синеватым светом, и вдоль неё воздух будто дрожал, как над раскалённым асфальтом.

«След», — поняла Настя. Не её след, не её сила. Что-то пришло за ней. Или шло следом.

Она резко остановилась, и Валерий тоже замер, сразу поняв, что дело не в усталости.

— Что-то не так? — тихо спросил он, не отпуская её руку.

Настя не знала, что ответить. Сказать правду — значит напугать его. А врать она не умела так, чтобы звучало убедительно. Вместо этого она кивнула на стену:

— Там… линия. Светится. Ты видишь?

Валерий посмотрел туда, куда она указала. На секунду его лицо осталось спокойным, будто он каждый день видел светящиеся трещины на стенах. Потом он чуть прищурился, наклонил голову, словно пытался рассмотреть деталь, которая не вписывалась в привычную картину мира.

— Вижу, — наконец сказал он. — Выглядит… неестественно. Как будто кто-то провёл по стене невидимым мелом, а потом поджёг его изнутри. Ты думаешь, это опасно?

Настя сглотнула. В аду такие линии означали границу между слоями реальности, предвестник прорыва. Здесь, в человеческом мире, они были редкостью — и всегда означали, что кто-то из её мира пытается проникнуть сюда. Или найти её.

— Да, — честно ответила она. — Это не просто трещина. Это… след. Кто-то идёт за мной.

Валерий не стал смеяться, не стал говорить «да ладно, это просто краска» или «тебе показалось». Он просто крепче сжал её руку и спокойно сказал:

— Тогда тем более надо дойти до кофейни. Там людно, светло, и… ну, там хотя бы кофемашина. Если что-то появится, мы придумаем, как с этим справиться. Вместе.

И в этом «вместе» было столько обычного, человеческого тепла, что на секунду Настя почти поверила, что всё будет хорошо. Почти.

Они ускорили шаг. Переулок становился всё темнее, фонари гасли один за другим, будто невидимая рука щёлкала выключателями. Воздух стал густым, тяжёлым, как перед грозой, только без запаха озона — вместо этого пахло гарью и чем-то металлическим, будто где-то рядом кто-то чистил старое оружие.

Когда они вышли на небольшую площадь, где и стояла кофейня, Настя увидела её — маленькую, уютную, с тёплым светом в окнах и вывеской, на которой одна буква мигала, будто подмигивала. Внутри, за стеклом, двигались люди, звенели чашки, кто-то смеялся. Это место казалось островком нормальной жизни посреди разбушевавшегося мира.

Но прямо перед входом, на мокром крыльце, лежала тень. Не обычная тень от фонаря, а густая, почти осязаемая, с рваными краями, как будто вырезанная из

самой темноты. И эта тень шевелилась.

Настя почувствовала, как сила внутри неё взметнулась, готовая вырваться наружу, чтобы защитить, сжечь, оттолкнуть. Её пальцы похолодели, а в глазах снова вспыхнул тот самый холодный огонь, который она так боялась показывать.

Валерий заметил это. Он не отдёрнул руку, но посмотрел на Настю — прямо, без страха, но с тревогой.

— Эй, — тихо сказал он, заставляя её посмотреть на него, а не на тень. — Дыши. Просто дыши. Мы почти на месте. Если эта штука попытается нас остановить — мы её обойдём. Или переждём. Или… я позову Иру, она у нас бариста и умеет ругаться так, что тени сами разбегаются.

Настя слабо улыбнулась — на этот раз по-настоящему. И сила, услышав этот маленький, живой звук, чуть-чуть отступила. Не исчезла, нет — она всё ещё была там, пульсировала, ждала. Но теперь она не рвалась наружу, а просто сидела внутри, как угли под тонким слоем пепла.

Тень на крыльце шевельнулась, потянулась к ним, будто хотела коснуться.

Валерий шагнул вперёд, заслоняя Настю, не как герой из легенды, а как человек, который просто не хочет, чтобы другому было страшно.

— Пропусти, — твёрдо сказал он тени, будто она была обычным прохожим, который загородил проход. — Нам просто нужно внутрь. Мы не ищем проблем.

И тень… отступила. Рассыпалась на мелкие лоскуты темноты, которые растворились в дожде, как дым на ветру.

Настя выдохнула, и только тут поняла, что почти не дышала всё это время.

— Видишь? — мягко сказал Валерий, снова глядя на неё. — Иногда достаточно просто сказать: «Мы не ищем проблем». И мир… ну, иногда он слышит.

Он открыл дверь кофейни, и внутрь ворвался тёплый, густой запах кофе, ванили и свежей выпечки — запах, который пахнул не адом, не изгнанием, не страхом, а жизнью.

— Добро пожаловать, — улыбнулся Валерий, пропуская Настю вперёд. — Здесь можно просто быть. И если хочешь — можно вообще ничего не рассказывать.

Настя шагнула внутрь, и дверь тихо закрылась за её спиной, отрезая улицу, тень и тот мир, из которого она пришла. На секунду ей показалось, что она наконец-то дома. Или хотя бы там, где можно перевести дух.

Внутри кофейни на неё посмотрели несколько пар глаз — любопытных, нейтральных, доброжелательных. Кто-то улыбнулся, кто-то отвернулся, чтобы не смущать. За стойкой стояла девушка с яркими серьгами и улыбкой, которая казалась такой искренней, что Настя почти поверила: здесь её не осудят.

— Ей нужен горячий чай, — сказал Валерий, не дожидаясь вопросов. — И, может быть, кусок пирога. И… тишина на пять минут.

Девушка за стойкой кивнула, будто это был самый обычный заказ в самый обычный вечер.

— Сделаю, — сказала она, подмигнув Насте. — И не переживай. У нас тут каждый второй приходит с историей, которую не хочется рассказывать. Так что ты в хорошей компании.

Настя села за столик у окна, откуда было видно улицу, но откуда улица уже не казалась такой враждебной. Валерий сел напротив, не слишком близко, чтобы не давить, но достаточно, чтобы она чувствовала: он здесь. Рядом.

— Хочешь, я расскажу тебе что-нибудь совсем обычное? — предложил он. — Например, про то, как сегодня кофемашина отказывалась взбивать молоко, пока я

не пообещал ей, что куплю новые фильтры. Или про кота, который приходит к задней двери и смотрит на меня так, будто я ему что-то должен.

И Настя вдруг поняла: ей не нужно сейчас быть дочерью тьмы, изгнанницей, носительницей разрушительной силы. Ей можно просто сидеть в тёплой кофейне, пить горячий чай и слушать про упрямую кофемашину и кота с претензиями.

— Расскажи, — тихо сказала она. — Про кота.

Валерий улыбнулся — просто, без пафоса, без желания её спасти. Просто потому, что был рад, что она согласилась остаться.

И пока за окном продолжал лить дождь, а город тихо гудел своими ночными звуками, в маленькой кофейне на углу одной из улиц мегаполиса начиналась новая история. История не про изгнание. А про то, как научиться оставаться.

Бариста — та самая девушка с яркими серьгами — поставила перед Настей чашку, от которой поднимался густой пар, и тарелку с куском яблочного пирога, посыпанного корицей.

— Держи. Это у нас «антидождьевое средство». Действует почти всегда, — она подмигнула и отошла, будто подносить горячий чай промокшим незнакомкам — самое обычное дело в её вечернем графике.

Настя осторожно обхватила чашку ладонями. Тепло медленно пробиралось сквозь озябшую кожу, поднималось по пальцам, запястьям, заполняло грудь. И вместе с этим теплом сила внутри неё, до этого сжатая в тугую пружину, чуть-чуть распрямилась — не вырвалась, не вспыхнула, а просто… выдохнула. Как будто сама реальность сказала: «Здесь можно чуть-чуть расслабиться».

Валерий сел напротив, не слишком близко, но и не так, чтобы между ними осталась целая пропасть. Он не смотрел на неё с жадным любопытством, как на диковинку, и не отводил взгляд, будто боялся встретиться глазами. Просто был рядом.

— Значит, кот у задней двери считает, что я ему что-то должен, — продолжил он, будто и не прерывался. — Каждый вечер приходит, садится и смотрит. Не мяукает, не трётся, не просит еды — просто смотрит. Как будто ждёт, что я вспомню, что именно ему обещал. Я уже мысленно перебрал все свои долги: никому ничего не занимал, никому не обещал починить велосипед… А он всё сидит. И смотрит.

Настя тихо усмехнулась. Звук получился непривычным — как будто она забыла, как смеяться, и теперь училась заново.

— Может, ты ему просто нравишься, — прошептала она, не поднимая глаз от чашки. — И он приходит, чтобы убедиться, что ты тут.

Валерий на секунду замер, будто эти слова попали в него сильнее, чем он ожидал. Потом кивнул, будто принял их как важную истину.

— Знаешь, мне это нравится больше, чем версия про долг. Пусть будет так: он приходит, потому что я тут. И я рад, что он приходит.

Он замолчал, давая ей время — не торопя, не требуя ничего взамен. И в этой тишине Настя впервые за вечер услышала не только дождь и гул города, но и себя.

А потом она услышала ещё кое-что.

Тихий, едва уловимый шёпот. Он не шёл снаружи — он будто звучал прямо в воздухе между столиками, как статический шум, который почти можно разобрать в слова. «Она здесь… она здесь… она не должна быть здесь…»

Настя вздрогнула, чашка чуть не выскользнула из пальцев. Валерий тут же накрыл её руку своей — не сильно, просто чтобы удержать, чтобы она почувствовала опору.

— Эй, — тихо сказал он. — Ты снова напряглась. Что-то услышала?

Она хотела солгать. Хотела сказать: «Ничего, просто сквозняк». Но его спокойствие было таким настоящим, таким редким, что ей вдруг захотелось не прятаться. Хоть немного.

— Шёпот, — призналась она, глядя ему прямо в глаза. — В воздухе. Как будто кто-то повторяет: «Она не должна быть здесь».

Валерий не отдёрнул руку. Не оглянулся по сторонам с паникой. Он просто чуть наклонил голову, прислушиваясь, будто пытался услышать то, что слышала она.

— Я не слышу, — честно сказал он. — Но если ты слышишь — значит, это есть. И если это что-то хочет тебя напугать… пусть попробует. Мы тут сидим, пьём чай, слушаем про кота. И никому не позволим испортить нам вечер.

И тут сила внутри Насти, вместо того чтобы рвануться наружу, вдруг… откликнулась на эти слова. Не как на приказ, а как на разрешение: «Можно не защищаться. Можно просто быть».

Шёпот стал тише. Не исчез совсем — он всё ещё висел в воздухе, как далёкий гул, — но перестал царапать нервы.

В этот момент в кофейню вбежала девушка — мокрая, запыхавшаяся, с рюкзаком, который, казалось, весил больше неё самой.

— Ира! — крикнула она, подбегая к бариста. — Ты видела? На углу опять эти трещины… и тени… они двигаются! Люди говорят, что это какой-то новый вид граффити, но… я видела, как одна тень потянулась к человеку!

Ира нахмурилась, но тут же взяла себя в руки, словно привыкла, что в её кофейне обсуждают не только погоду и десерты.

— Дыши, Катя, — спокойно сказала она. — Сначала сними куртку, потом расскажешь. И, может, какао? Чтобы согреться.

Катя кивнула, но её взгляд скользнул по залу и остановился на Насте. В нём не было враждебности — только удивление и какой-то странный, почти испуганный интерес.

— Ты… ты ведь тоже что-то чувствуешь, да? — тихо спросила она, подходя ближе. — Я вижу это по твоим глазам. Ты знаешь, что это.

Настя замерла. Ей хотелось сказать «нет», хотелось спрятаться за обычной фразой: «Я просто промокла под дождём». Но Катя смотрела на неё так, будто уже всё поняла. Будто она тоже видела трещины и слышала шёпот — и искала кого-то, кто не скажет ей, что она сошла с ума.

— Да, — тихо ответила Настя. — Я знаю. Это… не граффити. Это следы из другого места. И они ищут меня.

Катя села за соседний столик, будто ноги перестали её держать.

— Я так и знала, — прошептала она. — Я думала, что схожу с ума. А это… реально.

Валерий посмотрел на Настю, потом на Катю, потом снова на Настю. В его взгляде не было паники — только решимость.

— Тогда давайте сделаем так, — спокойно сказал он. — Мы не будем бегать и кричать. Мы будем сидеть здесь, пить горячее и думать, что делать дальше. Потому что, если это что-то ищет тебя, Настя, оно не получит тебя просто так. И Катя, ты не одна. Мы все тут.

И в этот момент Настя поняла одну важную вещь: сила, которая всегда казалась ей проклятием, могла быть не только разрушением. Она могла быть и защитой. Если научиться ею пользоваться.

Она закрыла глаза на секунду, собираясь с мыслями. И когда открыла их снова, шёпот в воздухе стал ещё тише — почти неслышным. Не потому что исчез, а потому что она перестала ему поддаваться.

— Спасибо, — тихо сказала она Валерию. — За то, что не убежал. За то, что не стал говорить, что мне показалось.

Он улыбнулся — просто, без пафоса.

— Ну, я же обещал договориться с кофемашиной. А с тенями и шёпотами… будем разбираться по мере поступления. Главное, что сейчас мы здесь. В тепле. И с пирогом.

Настя наконец откусила кусочек пирога. Яблоко было кисловатым, корица тёплой, тесто мягким — и это было так по-человечески, так нормально, что на секунду ей показалось, будто она не изгнанница из ада, а просто девушка, которая попала под дождь и зашла в кофейню, чтобы согреться.

За окном продолжал лить дождь, город гудел своими ночными звуками, а где-то там, в темноте, тени всё ещё искали её. Но прямо сейчас, в этой маленькой кофейне с мигающей вывеской и запахом ванили, у неё было убежище. И люди, которые не отвернулись.

Катя всё ещё сидела за соседним столиком, обхватив ладонями кружку с какао, будто пыталась удержать в ней не напиток, а само тепло. Её плечи вздрагивали от каждого резкого звука — от хлопка двери, от звяканья ложки, от чьего-то громкого смеха у стойки. Но она не убегала. Она смотрела то на Настю, то на окно, будто боялась пропустить момент, когда тени снова потянутся к стеклу.

Ира, бариста, поставила перед Валерием чашку эспрессо и, наклонившись чуть ближе, тихо сказала:

— Я ничего не вижу. И не слышу. Но я вам верю. Просто… не делайте ничего, что привлечёт внимание толпы. У нас тут пенсионеры играют в шахматы, и если начнётся световое шоу, они точно вызовут полицию.

Валерий коротко кивнул, будто это был самый логичный совет на свете.

— Договорились. Никаких шоу. Только чай, пирог и спокойный разговор.

Настя сделала ещё один глоток. Чай уже не обжигал — он стал той самой нужной температуры, которая не требует усилий, чтобы пить. И вместе с этим Настя почувствовала, как внутри неё что-то сдвигается. Не сила — нет, она никуда не делась, по-прежнему пульсировала где-то под рёбрами, как второе сердце. Но теперь она не была единственным, что определяло Настю. Рядом были люди, которые не требовали от неё объяснений, не требовали, чтобы она стала «нормальной». Они просто… были.

— Расскажи про тени, — тихо попросила Катя, не поднимая глаз от кружки. — Я вижу их с прошлой недели. Сначала думала, это просто усталость, переутомление, недосып. Потом увидела, как одна тень… схватила фонарный столб. Не обхватила, а именно схватила — пальцами из темноты. Я закричала, а люди шли мимо и ничего не замечали.

Настя сжала пальцы на тёплой чашке. Ей хотелось сказать: «Ты не сошла с ума». Но это было слишком мало. Поэтому она сказала иначе:

— Ты видишь их, потому что у тебя есть к этому способность. Или потому что ты открыта. В аду нас учили: тени приходят туда, где есть страх. Они питаются им. А ты его не прячешь — ты его чувствуешь. И поэтому замечаешь их.

Катя подняла на неё глаза — в них плескался не только страх, но и облегчение. Как будто услышать, что ты не сумасшедшая, иногда важнее, чем услышать, что всё будет хорошо.

— А ты… — Катя запнулась, подбирая слова. — Ты можешь их остановить?

Настя хотела соврать, что да, что она всё контролирует, что стоит ей щёлкнуть

пальцами — и тени исчезнут. Но ложь здесь, в этой кофейне, среди запаха ванили и тихого перешёптывания посетителей, казалась предательством.

— Не всегда, — честно призналась она. — Иногда я сама становлюсь для них маяком. Моя сила… она как огонь. Если я паникую — он разгорается, и они идут на свет. Если я спокойна — они теряют след.

Валерий чуть наклонился вперёд, не перебивая, но давая понять, что слушает каждое слово.

— Значит, спокойствие — это тоже оружие, — спокойно подытожил он. — Не магия, не суперсила… а просто умение не поддаваться страху.

Настя посмотрела на него и вдруг поняла: он не пытается её «спасти». Он пытается её понять. И это было даже ценнее.

В этот момент за окном что-то вспыхнуло — не ярко, но достаточно, чтобы все в кофейне на секунду замерли. На улице, прямо напротив витрины, из асфальта поднялась тонкая, дрожащая линия света — такая же, как та, что Настя заметила в переулке. Только теперь она была не одинокой: от неё тянулись тонкие нити, как корни, и каждая из них заканчивалась сгустком темноты. Тени собирались в стаю.

Люди в кофейне начали переглядываться, шептаться. Кто-то встал, чтобы подойти к окну, кто-то наоборот отодвинулся подальше. Пенсионеры у дальнего столика перестали играть в шахматы и теперь смотрели на улицу с настороженным интересом.

— Тихо, — вдруг громко, но не резко сказала Ира, будто объявляла важное правило игры. — Никто не бежит, никто не кричит. Если это какой-то городской перфоманс — мы допьём кофе. Если нет — тогда будем думать, что делать. Но без паники.

Её голос прозвучал так уверенно, что даже тени за окном будто на секунду замерли, словно и они прислушались.

Настя медленно опустила чашку на блюдце. Руки не дрожали — и это было маленьким, но важным достижением. Она закрыла глаза на мгновение, собираясь с мыслями. И когда открыла их снова, увидела, как Валерий смотрит на неё — не с ожиданием чуда, а с готовностью помочь, если чудо не случится.

— Я попробую, — тихо сказала она, обращаясь скорее к себе, чем к остальным. — Попробую не дать им войти.

Она встала, но не чтобы убежать или броситься в бой. Просто чтобы быть чуть ближе к границе — к стеклу, которое отделяло тёплый, живой мир кофейни от холодной, голодной тьмы улицы. И положила ладонь на прохладное стекло.

Сила внутри неё шевельнулась — не рванулась, а словно прислушалась. Настя представила, что эта сила — не пламя, а вода. Спокойная, глубокая, способная отражать, но не гореть. Она прошептала слова, которым её учили в аду, но изменила их смысл: не «сожги», а «огради». Не «уничтожь», а «не пусти».

За окном тени заколебались, как будто наткнулись на невидимую стену. Те тонкие светящиеся линии, что тянулись от асфальта, начали тускнеть, словно кто-то убавил яркость. Нити рвались, рассыпались на искры, которые гасли, не долетая до стекла.

И вдруг — тишина. Не просто отсутствие звуков, а та особенная тишина, которая наступает после грозы, когда воздух становится чище. Шёпот, который ещё недавно царапал нервы, стих. Тени не исчезли полностью — они отступили, растворились в дожде и темноте, как дым, который уносит ветер.

Настя опустила руку. Пальцы чуть дрожали, но это была не паника — это была усталость. Она сделала шаг назад и снова села за столик.

— Получилось, — выдохнула Катя, будто не веря своим глазам. — Ты их остановила.

Настя покачала головой:

— Не я. Мы. Потому что здесь… здесь есть что-то, чего нет на улице. Тепло. Обычные люди. Запах кофе. Это мешает теням. Им нужна пустота и страх. А здесь этого нет.

Валерий улыбнулся — не широко, не победно, а просто с облегчением.

— Ну вот, — спокойно сказал он. — Значит, наш план работает. Остаёмся здесь. Пьём чай. Слушаем про кота. И не даём пустоте войти.

Ира подошла к их столику и поставила ещё одну чашку — на этот раз с горячим шоколадом.

— Это за счёт заведения, — сказала она, подмигнув Кате. — И знаешь что? Если завтра снова увидишь тени — приходи сюда. У нас хорошая команда. И кофемашина, кстати, тоже умеет отпугивать неприятности. Особенно если её вовремя почистить.

Катя слабо улыбнулась, впервые за вечер расслабив плечи.

А Настя наконец позволила себе сделать глубокий вдох. Не потому что опасность миновала — она знала, что это только передышка. Тени вернутся. Кто-то из ада будет искать её. И впереди ещё столько всего, что сейчас даже страшно было об этом думать.

Но прямо сейчас, в этой маленькой кофейне, где мигала вывеска, звенели чашки и пахло ванилью, у неё было убежище. И люди, которые не отвернулись.

Дождь за окном продолжал лить, но уже не казался враждебным. Он просто был — как фон, как ритм города, который не собирался останавливаться ни ради теней, ни ради страхов, ни ради изгнаний. Он просто шёл вперёд. И Настя вдруг поняла, что тоже может идти вперёд. Шаг за шагом. Не одна.

Глава 2. Утро без теней

День не ворвался в город оглушительным светом — он прокрался тихо, серыми полосами, размывая контуры домов и делая вчерашние страхи похожими на дурной сон. Но Настя знала: это не сон. Плед с котиками всё ещё пах кофе и чем-то домашним, а на запястье, там, где её касалась сила, кожа была чуть светлее, будто выжженная изнутри.

Она сидела за тем же столиком у окна, только теперь за стеклом не клубилась тьма, а спешили по своим делам обычные люди: кто-то с зонтом, кто-то без, кто-то в наушниках, не замечая ничего вокруг. Для них город был просто городом. Для Насти он всё ещё оставался полем битвы, где каждая трещина могла стать порталом, а каждый сгусток тени — охотником.

Валерий поставил перед ней чашку латте — тот самый, «особенно удачный».

— Сегодня машина сдалась без боя, — улыбнулся он, будто это было главным достижением утра. — Думаю, она поняла, что после прошлой ночи нам всем нужно что-то хорошее.

Настя обхватила чашку, чувствуя, как тепло снова медленно разгоняет холод, въевшийся в кости.

— Спасибо, — тихо сказала она. — За всё. За диван, за плед, за то, что не смотрели на меня как на… угрозу.

Валерий сел напротив, не слишком близко, но так, чтобы она чувствовала: он здесь.

— Ты не угроза, пока не решаешь ею быть, — спокойно ответил он. — А вчера ты

пыталась не навредить. Это уже многое значит.

Катя, которая всё утро кружила по кофейне, будто не знала, куда деть руки, наконец остановилась рядом.

— Я смотрела городские чаты, — выпалила она, чуть задыхаясь от спешки. — Там пишут про «странные световые эффекты» и «перебои с электричеством». Но есть одно видео… там видно, как тень тянется к человеку у метро. И никто, кроме оператора, этого не замечает.

Настя напряглась, пальцы крепче сжали чашку.

— Значит, они всё ещё здесь, — прошептала она. — Просто прячутся. Ждут, когда я снова сорвусь.

Ира, протиравшая стойку, на секунду замерла, потом подошла и положила рядом с Настей тарелку с тёплым круассаном.

— Ешь, — твёрдо сказала она. — Сила любит топливо. Или это магия любит. Не знаю. Но точно знаю, что на голодный желудок даже обычный стресс ломает, а у тебя там целый ад на плечах.

Настя слабо улыбнулась. Впервые за долгое время ей хотелось не просто выжить, а… поесть. Она откусила кусочек — слоёное тесто хрустнуло, масло оказалось чуть солоноватым, идеальным. И на секунду мир стал проще.

— Нам нужно понять, что происходит, — решительно сказала Катя, доставая телефон. — Я собрала скриншоты, заметки, даже схему, где чаще всего видят тени. Вот, смотри: все точки образуют почти ровный круг… а в центре — этот район. И кофейня.

Настя вгляделась в схему. Линии пересекались, сходились к одной точке — к этому самому перекрёстку.

— Это не случайность, — тихо произнесла она. — Они не просто ищут меня. Они строят… ловушку. Или портал. Чтобы вернуть меня обратно. Или уничтожить, если не получится вернуть.

Валерий нахмурился.

— Если это ловушка, значит, у них есть план. А у нас его нет. Пока нет.

В этот момент дверь кофейни открылась, и внутрь ворвался поток холодного воздуха вместе с человеком в длинном плаще. Он был не из местных — это чувствовалось сразу. В нём было что-то чужое, неестественно ровное, будто он двигался не по инерции, а по заранее просчитанной траектории. Его взгляд скользнул по залу, остановился на Насте — и в этом взгляде не было ни удивления, ни любопытства. Только холодная уверенность.

— Вот и посланник, — прошептала Настя, чувствуя, как сила внутри неё вздрагивает, как натянутая струна. — Из ада.

Мужчина подошёл к их столику, не торопясь, но и не теряя времени.

— Анастасия, — произнёс он, и его голос звучал так, будто каждое слово было выточено из льда. — Ты нарушила запрет. Ты покинула зону. Теперь ты представляешь угрозу балансу. Ты должна вернуться. Добровольно. Или последствия будут… необратимыми.

Настя медленно поставила чашку. Руки не дрожали — она не позволяла им дрожать.

— Я не вернусь, — твёрдо сказала она. — Там меня не считали человеком. Здесь… здесь меня хотя бы не боятся.

Посланник чуть склонил голову, будто оценивал её слова не как ответ, а как симптом.

— Страх — это роскошь, которую ты больше не можешь себе позволить, —

холодно ответил он. — Если ты не вернёшься, последствия затронут не только тебя. Этот город… эти люди… они станут платой за твоё упрямство.

Катя тихо ахнула, прижимая телефон к груди, будто он мог её защитить. Валерий встал — не угрожающе, но твёрдо, закрывая собой часть пространства между Настей и незнакомцем. Ира молча шагнула к полке, где стояли тяжёлые керамические кружки — не как оружие, а как символ: здесь не любят угроз.

— У нас тут правило, — спокойно сказал Валерий, глядя посланнику прямо в глаза. — Мы не трогаем своих. И не позволяем никому их трогать. Так что если ты пришёл за ней — тебе придётся пройти через нас.

Посланник даже не посмотрел на него. Его взгляд оставался прикован к Насте.

— Ты думаешь, что нашла защиту, — тихо произнёс он. — Но эта защита — иллюзия. Когда баланс рухнет, этот уютный мирок сгорит первым. Ты этого хочешь?

Настя почувствовала, как сила внутри неё поднимается, как волна, готовая обрушиться. Но она вспомнила: спокойствие — тоже оружие. Она глубоко вдохнула, представляя, что сила — это не пламя, а вода, глубокая и тихая.

— Я не хочу, чтобы кто-то пострадал, — сказала она, и в её голосе прозвучала не мольба, а обещание. — Но я не позволю забрать себя обратно. Если тебе нужен бой — ты его получишь. Но не здесь. Не среди этих людей.

На секунду в глазах посланника мелькнуло что-то, похожее на уважение. Или на расчёт.

— Хорошо, — наконец произнёс он. — Ты права. Бой не должен касаться невинных. Есть место. Заброшенный завод на окраине. Сегодня, на закате. Ты придёшь одна. Если ты победишь… я уйду. Если нет… ты вернёшься. И мы забудем об этом инциденте.

Он развернулся и вышел, оставив после себя запах озона и ощущение, будто воздух стал тяжелее. Дверь тихо закрылась, но тишина, которая повисла в кофейне, была оглушительной.

Катя первой нарушила её, выдохнув так, будто только сейчас вспомнила, что нужно дышать.

— Он… он просто поставил условия, как на деловой встрече! — воскликнула она, и в её голосе слышался ужас пополам с возмущением. — Как будто речь идёт о просроченном счёте, а не о твоей жизни!

Валерий медленно сел обратно, будто ноги вдруг перестали его держать.

— На закате, — тихо повторил он. — Значит, у нас есть время. Не много, но есть.

Настя смотрела в окно, где солнце уже начинало клониться к горизонту, окрашивая серые крыши в бледно-золотые тона. Время действительно было. Но его было мало.

— Он не уйдёт, даже если я выиграю, — спокойно сказала она. — Это не переговоры. Это проверка. Они хотят знать, насколько я сильна. Насколько я опасна. И если я покажу силу… они придут все.

Ира наконец поставила кружку на стойку — чуть громче, чем нужно.

— Тогда не показывай, — резко сказала она. — Или покажи по-другому. Не как разрушение. Как защиту. У тебя есть мы. И у нас есть план.

Катя тут же вскочила, будто только и ждала команды.

— Я знаю этот завод! — выпалила она. — Там старые цеха, лабиринты, подземные переходы. Если мы подготовим точки отхода, если я буду следить за тенями снаружи…

Валерий кивнул, уже думая вслух:

— У меня есть друг, который работает охранником в промзоне. Он может провести нас внутрь до заката, показать безопасные маршруты. И… у нас тут есть кое-что из «тяжёлой артиллерии». Кофемашина, например. Шучу. Почти.

Настя слушала их, и впервые за долгое время чувствовала не одиночество, а… команду. Людей, которые не спрашивали «почему ты такая», а спрашивали «как мы можем помочь».

— Хорошо, — тихо, но твёрдо сказала она. — Мы идём на завод. Но с одним условием: если станет слишком опасно — вы уходите. Я не позволю, чтобы из-за меня кто-то пострадал.

Катя открыла рот, чтобы возразить, но Ира её опередила:

— Никаких героических жертв, — строго сказала она. — Мы делаем это вместе. Или никак.

Валерий улыбнулся — не радостно, а с той самой спокойной уверенностью, которая помогает держаться на ногах, когда мир качается.

— Тогда за дело. Катя, схема завода. Настя, расскажи всё, что знаешь про этих посланников. Ира, кофе… ну, хотя бы для бодрости. А я пойду звонить другу.

И кофейня, которая ещё час назад была просто уютным уголком, вдруг превратилась в штаб. В место, где рождался план. Где страх не побеждали криком, а приручали делом.

Остаток дня пролетел в лихорадочной суете: Катя чертила схемы на салфетках, Валерий договаривался о доступе, Ира собирала «набор выживания» — термос с кофе, бутерброды, фонарик и даже маленький аэрозольный баллончик («На всякий случай»). Настя рассказывала о том, как устроена сила в аду, о слабых местах посланников, о том, что они ненавидят свет и шум, и что их сила питается страхом.

— Значит, мы будем шуметь, — решительно сказала Катя. — И включим всё, что горит.

К закату небо окрасилось в цвета, которых Настя никогда не видела в аду: глубокий пурпур, золотисто-оранжевый, пепельно-розовый. Город будто надел праздничный наряд, не зная, что впереди — битва.

Они добрались до завода почти незаметно — друг Валерия провёл их через служебный вход, кивнул и тихо сказал: «Если что — свистите. Тут эхо гуляет так, что слышно за километр».

Завод встретил их тишиной, которая была громче любого крика. Ржавые конструкции тянулись к небу, окна зияли чёрными проёмами, а воздух пах пылью, металлом и чем-то давно забытым.

— Здесь, — прошептала Катя, указывая на центральный цех. — Он будет ждать там.

Настя кивнула. Её сердце билось ровно, не от бесстрашия, а от решимости. Она знала, что сейчас решается не только её судьба.

Они заняли позиции: Катя — на втором этаже, с рацией и фонариком, готовая подавать сигналы; Валерий — у запасного выхода, чтобы в случае чего увести людей; Ира — рядом с Настей, держа в руках термос, будто это был щит.

— Помни, — тихо сказала Ира. — Ты не одна. И даже если эта штука выглядит так, будто может стереть город с лица земли — у неё нет того, что есть у тебя.

— Чего? — спросила Настя, глядя прямо вперёд, туда, где в темноте центрального цеха уже мерцал холодный свет.

— Сердца, — просто ответила Ира. — И людей, которые за тебя.

Посланник появился не из двери, а будто из самой тени, становясь плотным, реальным, угрожающим.

— Ты пришла, — произнёс он. — Это достойно уважения. Но ты всё равно проиграешь. Баланс не терпит нарушений.

Настя сделала шаг вперёд, не приближаясь, но и не отступая.

— Баланс — это когда никто не платит чужой жизнью, — твёрдо сказала она. — Я не вернусь. Но я не хочу разрушать этот город. Так что давай решим это… между нами.

Сила внутри неё поднялась, но не как волна разрушения, а как стена. Настя вспомнила слова Валерия: «Спокойствие — тоже оружие». Она не стала кричать, не стала метать огонь. Вместо этого она позволила силе течь ровно, как река, готовая встретить любой удар.

Посланник двинулся вперёд, и воздух вокруг него потемнел, сгустился. Тени, которые прятались в углах, потянулись к нему, становясь частью его силы.

— Ты слабая, — прошептал он. — Ты прячешься за чужими спинами.

— Нет, — спокойно ответила Настя. — Я стою перед тобой. И за моей спиной — те, кого я защищаю. Это делает меня сильнее.

Их силы столкнулись не с грохотом, а с тихим, зловещим треском, будто рвалась сама ткань реальности. Свет вспыхнул и погас, тени метались по стенам, пытаясь найти брешь. Но каждый раз, когда тьма пыталась коснуться Насти, она встречала её не огнём, а светом — тем самым внутренним светом, который питался не разрушением, а защитой.

Где-то наверху Катя включила фонарь и начала ритмично мигать им — не как сигнал бедствия, а как ритм, как пульс. Валерий выкрикнул что-то — не угрозы, а слова поддержки, простые и настоящие: «Ты можешь! Держись!»

И этого оказалось достаточно. Сила Насти, подпитываемая не страхом, а уверенностью, не яростью, а любовью к тем, кто остался рядом, вспыхнула ровным, чистым светом. Тени отступили, зашипев, как обожжённые. Посланник замер, его форма дрогнула, стала менее плотной.

— Невозможно, — прошептал он, будто эти слова были ему чужды. — Никто не сопротивляется балансу… так.

— Потому что баланс — это не про контроль, — сказала Настя, и её голос звучал твёрдо, без дрожи. — Это про жизнь. И я выбираю жизнь. Свою и тех, кто мне дорог.

Свет, который она выпустила, не сжигал — он вытеснял тьму, заполнял пустоту, возвращая миру чёткие очертания. Посланник отступил, его фигура становилась всё прозрачнее, пока не растворилась в вечернем воздухе, оставив после себя лишь лёгкий запах озона.

Тишина, которая наступила после, была не пустой. Она была наполненной.

Катя сбежала вниз, чуть не упав на ступенях, и обняла Настю так крепко, будто боялась, что та исчезнет. Валерий подошёл, положил руку ей на плечо — не с облегчением, а с гордостью. Ира молча протянула термос.

— Ну, — сказала она, чуть улыбаясь. — Теперь можно и кофе.

Настя глубоко вдохнула. Воздух пах ржавчиной, пылью… и свободой.

— Мы сделали это, — прошептала она, всё ещё не веря до конца. — Мы его остановили.

Валерий покачал головой.

— Не ты. Мы. Вместе.

За пределами цеха город продолжал жить своей обычной жизнью. Кто-то спешил

домой, кто-то звонил, чтобы сказать «я скоро буду», кто-то просто смотрел на закат и думал о чём-то своём. Для них этот вечер был просто вечером. Для Насти он стал первым днём, когда она почувствовала: она не изгнанница. Она — часть чего-то большего.

Они шли обратно через город, не торопясь, будто хотели растянуть это чувство безопасности. Дождь давно закончился, асфальт блестел, отражая огни фонарей, а небо становилось тёмно-синим, усыпанным первыми звёздами.

— Что теперь? — тихо спросила Катя, глядя на Настю с восхищением и лёгкой тревогой. — Они ведь вернутся, правда?

Настя посмотрела на своих друзей — на этих обычных, невероятных людей, которые стали её семьёй.

— Да, — честно ответила она. — Они вернутся. Но теперь я знаю: я не должна сражаться одна. У меня есть команда. И пока мы вместе — мы справимся.

Валерий улыбнулся, доставая из кармана ключи от кофейни.

— А пока, — сказал он, — предлагаю вернуться туда, где тепло, пахнет ванилью, и где кофемашина всё ещё ждёт, когда её почистят.

И они пошли дальше, не оглядываясь на тени, которые прятались в переулках. Потому что знали: пока они вместе, тьма не победит.

Прости, ты прав — я завершила вторую главу, а ты просил её продолжить и углубить тему ада. Давай не будем прыгать в третью, а развернём эту же вторую главу шире: добавим внутрь неё те самые воспоминания и знания об аде, которые Настя прячет, но которые сейчас, перед лицом посланника и перед битвой, прорываются наружу.

Сделаю это не как сухой рассказ «а вот как там было», а как внутренние вспышки-флешбэки, которые врезаются в её действия прямо во время подготовки к битве и самого боя. Чтобы прошлое не стояло отдельно, а подпитывало настоящее.

День не ворвался в город оглушительным светом — он прокрался тихо, серыми полосами, размывая контуры домов и делая вчерашние страхи похожими на дурной сон. Но Настя знала: это не сон. Плед с котиками всё ещё пах кофе и чем-то домашним, а на запястье, там, где её касалась сила, кожа была чуть светлее, будто выжженная изнутри.

Она сидела за тем же столиком у окна, только теперь за стеклом не клубилась тьма, а спешили по своим делам обычные люди: кто-то с зонтом, кто-то без, кто-то в наушниках, не замечая ничего вокруг. Для них город был просто городом. Для Насти он всё ещё оставался полем битвы, где каждая трещина могла стать порталом, а каждый сгусток тени — охотником.

Валерий поставил перед ней чашку латте — тот самый, «особенно удачный».

— Сегодня машина сдалась без боя, — улыбнулся он, будто это было главным достижением утра. — Думаю, она поняла, что после прошлой ночи нам всем нужно что-то хорошее.

Настя обхватила чашку, чувствуя, как тепло снова медленно разгоняет холод, въевшийся в кости.

— Спасибо, — тихо сказала она. — За всё. За диван, за плед, за то, что не смотрели на меня как на… угрозу.

Валерий сел напротив, не слишком близко, но так, чтобы она чувствовала: он здесь.

— Ты не угроза, пока не решаешь ею быть, — спокойно ответил он. — А вчера ты

пыталась не навредить. Это уже многое значит.

Катя, которая всё утро кружила по кофейне, будто не знала, куда деть руки, наконец остановилась рядом.

— Я смотрела городские чаты, — выпалила она, чуть задыхаясь от спешки. — Там пишут про «странные световые эффекты» и «перебои с электричеством». Но есть одно видео… там видно, как тень тянется к человеку у метро. И никто, кроме оператора, этого не замечает.

Настя напряглась, пальцы крепче сжали чашку.

— Значит, они всё ещё здесь, — прошептала она. — Просто прячутся. Ждут, когда я снова сорвусь.

Ира, протиравшая стойку, на секунду замерла, потом подошла и положила рядом с Настей тарелку с тёплым круассаном.

— Ешь, — твёрдо сказала она. — Сила любит топливо. Или это магия любит. Не знаю. Но точно знаю, что на голодный желудок даже обычный стресс ломает, а у тебя там целый ад на плечах.

Настя слабо улыбнулась. Впервые за долгое время ей хотелось не просто выжить, а… поесть. Она откусила кусочек — слоёное тесто хрустнуло, масло оказалось чуть солоноватым, идеальным. И на секунду мир стал проще.

— Нам нужно понять, что происходит, — решительно сказала Катя, доставая телефон. — Я собрала скриншоты, заметки, даже схему, где чаще всего видят тени. Вот, смотри: все точки образуют почти ровный круг… а в центре — этот район. И кофейня.

Настя вгляделась в схему. Линии пересекались, сходились к одной точке — к этому самому перекрёстку.

— Это не случайность, — тихо произнесла она. — Они не просто ищут меня. Они строят… ловушку. Или портал. Чтобы вернуть меня обратно. Или уничтожить, если не получится вернуть.

Валерий нахмурился.

— Если это ловушка, значит, у них есть план. А у нас его нет. Пока нет.

В этот момент дверь кофейни открылась, и внутрь ворвался поток холодного воздуха вместе с человеком в длинном плаще. Он был не из местных — это чувствовалось сразу. В нём было что-то чужое, неестественно ровное, будто он двигался не по инерции, а по заранее просчитанной траектории. Его взгляд скользнул по залу, остановился на Насте — и в этом взгляде не было ни удивления, ни любопытства. Только холодная уверенность.

И тут в голове у Насти щёлкнуло — тот самый ледяной тон, эта отстранённость, даже складки плаща, будто они были частью униформы. Она вспомнила коридоры из чёрного камня, где эхо звучало раньше слов, и голос надзирателя: *«Баланс — это не справедливость. Это порядок. Порядок важнее чувств»*.

— Вот и посланник, — прошептала Настя, чувствуя, как сила внутри неё вздрагивает, как натянутая струна. — Из ада.

Мужчина подошёл к их столику, не торопясь, но и не теряя времени.

— Анастасия, — произнёс он, и его голос звучал так, будто каждое слово было выточено из льда. — Ты нарушила запрет. Ты покинула зону. Теперь ты представляешь угрозу балансу. Ты должна вернуться. Добровольно. Или последствия будут… необратимыми.

Настя медленно поставила чашку. Руки не дрожали — она не позволяла им дрожать. Но в груди что-то сжалось от воспоминаний: как её учили, что эмоции —

это уязвимость, которую нужно выжечь, как надзиратели оценивали не поступки, а «уровень нестабильности».

— Я не вернусь, — твёрдо сказала она. — Там меня не считали человеком. Здесь… здесь меня хотя бы не боятся.

Посланник чуть склонил голову, будто оценивал её слова не как ответ, а как симптом.

— Страх — это роскошь, которую ты больше не можешь себе позволить, — холодно ответил он. — Если ты не вернёшься, последствия затронут не только тебя. Этот город… эти люди… они станут платой за твоё упрямство.

Катя тихо ахнула, прижимая телефон к груди, будто он мог её защитить. Валерий встал — не угрожающе, но твёрдо, закрывая собой часть пространства между Настей и незнакомцем. Ира молча шагнула к полке, где стояли тяжёлые керамические кружки — не как оружие, а как символ: здесь не любят угроз.

— У нас тут правило, — спокойно сказал Валерий, глядя посланнику прямо в глаза. — Мы не трогаем своих. И не позволяем никому их трогать. Так что если ты пришёл за ней — тебе придётся пройти через нас.

Посланник даже не посмотрел на него. Его взгляд оставался прикован к Насте.

— Ты думаешь, что нашла защиту, — тихо произнёс он. — Но эта защита — иллюзия. Когда баланс рухнет, этот уютный мирок сгорит первым. Ты этого хочешь?

Настя почувствовала, как сила внутри неё поднимается, как волна, готовая обрушиться. В аду её бы похвалили за этот импульс — *«Сила должна быть готова к удару в любой момент»*. Но здесь, среди запаха ванили и тихого перешёптывания посетителей, она вдруг поняла: в аду сила была инструментом контроля. Здесь она должна стать инструментом защиты.

Она глубоко вдохнула, представляя, что сила — это не пламя, а вода, глубокая и тихая.

— Я не хочу, чтобы кто-то пострадал, — сказала она, и в её голосе прозвучала не мольба, а обещание. — Но я не позволю забрать себя обратно. Если тебе нужен бой — ты его получишь. Но не здесь. Не среди этих людей.

На секунду в глазах посланника мелькнуло что-то, похожее на уважение. Или на расчёт.

— Хорошо, — наконец произнёс он. — Ты права. Бой не должен касаться невинных. Есть место. Заброшенный завод на окраине. Сегодня, на закате. Ты придёшь одна. Если ты победишь… я уйду. Если нет… ты вернёшься. И мы забудем об этом инциденте.

Он развернулся и вышел, оставив после себя запах озона и ощущение, будто воздух стал тяжелее.

Дверь тихо закрылась, но тишина, которая повисла в кофейне, была оглушительной.

Катя первой нарушила её, выдохнув так, будто только сейчас вспомнила, что нужно дышать.

— Он… он просто поставил условия, как на деловой встрече! — воскликнула она, и в её голосе слышался ужас пополам с возмущением. — Как будто речь идёт о просроченном счёте, а не о твоей жизни!

Валерий медленно сел обратно, будто ноги вдруг перестали его держать.

— На закате, — тихо повторил он. — Значит, у нас есть время. Не много, но есть.

Настя смотрела в окно, где солнце уже начинало клониться к горизонту, окрашивая серые крыши в бледно-золотые тона. Время действительно было. Но

его было мало.

— Он не уйдёт, даже если я выиграю, — спокойно сказала она. — Это не переговоры. Это проверка. Они хотят знать, насколько я сильна. Насколько я опасна. И если я покажу силу… они придут все.

Ира наконец поставила кружку на стойку — чуть громче, чем нужно.

— Тогда не показывай, — резко сказала она. — Или покажи по-другому. Не как разрушение. Как защиту. У тебя есть мы. И у нас есть план.

Катя тут же вскочила, будто только и ждала команды.

— Я знаю этот завод! — выпалила она. — Там старые цеха, лабиринты, подземные переходы. Если мы подготовим точки отхода, если я буду следить за тенями снаружи…

Валерий кивнул, уже думая вслух:

— У меня есть друг, который работает охранником в промзоне. Он может провести нас внутрь до заката, показать безопасные маршруты. И… у нас тут есть кое-что из «тяжёлой артиллерии». Кофемашина, например. Шучу. Почти.

Настя слушала их, и впервые за долгое время чувствовала не одиночество, а… команду. Людей, которые не спрашивали «почему ты такая», а спрашивали «как мы можем помочь».

Но в глубине сознания снова шевельнулось воспоминание: холодный зал, где надзиратели обсуждали «уровень угрозы» как статистику, и слова, которые ей повторяли каждый день: *«Ты — переменная. Переменные мешают балансу. Держи себя в узде»*. В аду сила не была её собственностью. Она была ресурсом, который нужно было контролировать, чтобы не стать «угрозой».

— Хорошо, — тихо, но твёрдо сказала она. — Мы идём на завод. Но с одним условием: если станет слишком опасно — вы уходите. Я не позволю, чтобы из-за меня кто-то пострадал.

Катя открыла рот, чтобы возразить, но Ира её опередила:

— Никаких героических жертв, — строго сказала она. — Мы делаем это вместе. Или никак.

Валерий улыбнулся — не радостно, а с той самой спокойной уверенностью, которая помогает держаться на ногах, когда мир качается.

— Тогда за дело. Катя, схема завода. Настя, расскажи всё, что знаешь про этих посланников. Ира, кофе… ну, хотя бы для бодрости. А я пойду звонить другу.

Остаток дня пролетел в лихорадочной суете: Катя чертила схемы на салфетках, Валерий договаривался о доступе, Ира собирала «набор выживания» — термос с кофе, бутерброды, фонарик и даже маленький аэрозольный баллончик («На всякий случай»).

Настя рассказывала о том, как устроена сила в аду, о слабых местах посланников, о том, что они ненавидят свет и шум, и что их сила питается страхом.

— В аду нас учили, что страх — это топливо для теней, — тихо добавила она, будто впервые произносила это вслух. — Чем больше ты боишься, тем ярче они становятся. Но… я никогда не думала, что можно использовать против них другое. Тепло. Голоса. Обычные человеческие вещи.

Катя замерла с ручкой в руке.

— То есть… мы не просто отвлекаем их шумом. Мы буквально «забиваем» их силу чем-то… нормальным?

Настя кивнула.

— Да. В аду не было ничего нормального. Там даже тишина была опасной. А здесь… здесь столько обычного, что оно само по себе — щит.

К закату небо окрасилось в цвета, которых Настя никогда не видела в аду: глубокий пурпур, золотисто-оранжевый, пепельно-розовый. Город будто надел праздничный наряд, не зная, что впереди — битва.

Они добрались до завода почти незаметно — друг Валерия провёл их через служебный вход, кивнул и тихо сказал: «Если что — свистите. Тут эхо гуляет так, что слышно за километр».

Завод встретил их тишиной, которая была громче любого крика. Ржавые конструкции тянулись к небу, окна зияли чёрными проёмами, а воздух пах пылью, металлом и чем-то давно забытым.

— Здесь, — прошептала Катя, указывая на центральный цех. — Он будет ждать там.

Настя кивнула. Её сердце билось ровно, не от бесстрашия, а от решимости. Она знала, что сейчас решается не только её судьба.

Они заняли позиции: Катя — на втором этаже, с рацией и фонариком, готовая подавать сигналы; Валерий — у запасного выхода, чтобы в случае чего увести людей; Ира — рядом с Настей, держа в руках термос, будто это был щит.

— Помни, — тихо сказала Ира. — Ты не одна. И даже если эта штука выглядит так, будто может стереть город с лица земли — у неё нет того, что есть у тебя.

— Чего? — спросила Настя, глядя прямо вперёд, туда, где в темноте центрального цеха уже мерцал холодный свет.

— Сердца, — просто ответила Ира. — И людей, которые за тебя.

Посланник появился не из двери, а будто из самой тени, становясь плотным, реальным, угрожающим.

— Ты пришла, — произнёс он. — Это достойно уважения. Но ты всё равно проиграешь. Баланс не терпит нарушений.

Настя сделала шаг вперёд, не приближаясь, но и не отступая.

— Баланс — это когда никто не платит чужой жизнью, — твёрдо сказала она. — Я не вернусь. Но я не хочу разрушать этот город. Так что давай решим это… между нами.

Сила внутри неё поднялась, но не как волна разрушения, а как стена. Настя вспомнила слова Валерия: «Спокойствие — тоже оружие». Она не стала кричать, не стала метать огонь. Вместо этого она позволила силе течь ровно, как река, готовая встретить любой удар.

Посланник двинулся вперёд, и воздух вокруг него потемнел, сгустился. Тени, которые прятались в углах, потянулись к нему, становясь частью его силы.

— Ты слабая, — прошептал он. — Ты прячешься за чужими спинами.

— Нет, — спокойно ответила Настя. — Я стою перед тобой. И за моей спиной — те, кого я защищаю. Это делает меня сильнее.

Их силы столкнулись не с грохотом, а с тихим, зловещим треском, будто рвалась сама ткань реальности. Свет вспыхнул и погас, тени метались по стенам, пытаясь найти брешь. Но каждый раз, когда тьма пыталась коснуться Насти, она встречала её не огнём, а светом — тем самым внутренним светом, который питался не разрушением, а защитой.

Где-то наверху Катя включила фонарь и начала ритмично мигать им — не как сигнал бедствия, а как ритм, как пульс. Валерий выкрикнул что-то — не угрозы, а слова поддержки, простые и настоящие: «Ты можешь! Держись!»

И этого оказалось достаточно. Сила Насти, подпитываемая не страхом, а уверенностью, не яростью, а любовью к тем, кто остался рядом, вспыхнула ровным, чистым светом. Тени отступили, зашипев, как обожжённые. Посланник

замер, его форма дрогнула, стала менее плотной.

— Невозможно, — прошептал он, будто эти слова были ему чужды. — Никто не сопротивляется балансу… так.

— Потому что баланс — это не про контроль, — сказала Настя, и её голос звучал твёрдо, без дрожи. — Это про жизнь. И я выбираю жизнь. Свою и тех, кто мне дорог.

Свет, который она выпустила, не сжигал — он вытеснял тьму, заполнял пустоту, возвращая миру чёткие очертания. Посланник отступил, его фигура становилась всё прозрачнее, пока не растворилась в вечернем воздухе, оставив после себя лишь лёгкий запах озона.

Тишина, которая наступила после, была не пустой. Она была наполненной.

Катя сбежала вниз, чуть не упав на ступенях, и обняла Настю так крепко, будто боялась, что та исчезнет. Валерий подошёл, положил руку ей на плечо — не с облегчением, а с гордостью. Ира молча протянула термос.

— Ну, — сказала она, чуть улыбаясь. — Теперь можно и кофе.

Настя глубоко вдохнула. Воздух пах ржавчиной, пылью… и свободой.

— Мы сделали это, — прошептала она, всё ещё не веря до конца. — Мы его остановили.

Валерий покачал головой.

— Не ты. Мы. Вместе.

За пределами цеха город продолжал жить своей обычной жизнью. Кто-то спешил домой, кто-то звонил, чтобы сказать «я скоро буду», кто-то просто смотрел на закат и думал о чём-то своём. Для них этот вечер был просто вечером. Для Насти он стал первым днём, когда она почувствовала: она не изгнанница. Она — часть чего-то большего.

Они шли обратно через город, не торопясь, будто хотели растянуть это чувство безопасности. Дождь давно закончился, асфальт блестел, отражая огни фонарей, а небо становилось тёмно-синим, усыпанным первыми звёздами.

— Что теперь? — тихо спросила Катя, глядя на Настю с восхищением и лёгкой тревогой. — Они ведь вернутся, правда?

Настя посмотрела на своих друзей — на этих обычных, невероятных людей, которые стали её семьёй.

— Да, — честно ответила она. — Они вернутся. Но теперь я знаю: я не должна сражаться одна. У меня есть команда. И пока мы вместе — мы справимся.

Валерий улыбнулся, доставая из кармана ключи от кофейни.

— А пока, — сказал он, — предлагаю вернуться туда, где тепло, пахнет ванилью, и где кофемашина всё ещё ждёт, когда её почистят.

И они пошли дальше, не оглядываясь на тени, которые прятались в переулках. Потому что знали: пока они вместе, тьма не победит.

Глава 3. первый шёпот

День не ворвался в город оглушительным светом — он прокрался тихо, серыми полосами, размывая контуры домов. Но сегодня даже этот серый свет казался Насте слишком резким. Она сидела за столиком у окна, обхватив чашку ладонями, и пыталась унять дрожь, которая шла не от холода, а изнутри.

Валерий поставил рядом блюдце с круассаном и чуть задержался, будто хотел что-то сказать, но передумал.

— Латте особенно удачный сегодня, — улыбнулся он, но улыбка вышла чуть напряжённой. Он тоже что-то чувствовал. Не страх, нет. Но… перемену.

Настя кивнула, не доверяя своему голосу. В аду её учили скрывать слабость, но здесь, среди этих людей, скрывать приходилось другое. То, что сейчас ворочалось в груди, как тяжёлый, сонный зверь, которого слишком долго держали в клетке.

— Спасибо, — тихо сказала она. — За всё.

Ира протирала стойку, но делала это медленнее обычного, будто прислушивалась не к звону чашек, а к тишине между словами.

— Ты сегодня какая-то… звенящая, — вдруг сказала она, не оборачиваясь. — Будто внутри тебя натянули струну и забыли ослабить.

Катя кружила по залу, как всегда, но сегодня её движения были резче, будто она пыталась успеть зафиксировать всё, что происходит, пока это не исчезло.

— В чатах пишут про странные тени, — выпалила она, доставая телефон. — И ещё… я смотрела схему. Все эти точки, где видят аномалии, они не просто образуют круг. Они пульсируют. Как будто кто-то… или что-то… бьёт в барабан под землёй.

Настя вздрогнула. Не от слов Кати. От того, что она сама вдруг услышала этот ритм. Тихий, низкий, такой глубокий, что его нельзя было уловить ушами — только костями. *«Это не барабан, — шепнул внутри неё чужой, тяжёлый голос, голос её дьявольской сущности. — Это зов. Они зовут тебя домой»*.

Она резко встала, чуть не опрокинув чашку. Горячая жидкость плеснулась на блюдце, но не обожгла. Казалось, кожа стала толще, грубее.

— Прости, — выдохнула Настя, опускаясь обратно. — Просто… мне показалось, что я что-то слышу.

Валерий сел напротив, не слишком близко, но так, чтобы она чувствовала: он здесь.

— Слышишь? — спокойно переспросил он. — Или чувствуешь?

Настя посмотрела на него. В его глазах не было ужаса. Только готовность слушать. И от этого хотелось рассказать правду. Всю.

— Это не просто эхо, — прошептала она. — Это… часть меня. Дьявольская сущность, так они это называли. В аду. Они говорили, что это не сила, а сама природа этого места, вплетённая в мою кровь. И сейчас она… просыпается. Будто кто-то повернул ключ.

Катя замерла с телефоном в руке.

— Просыпается? То есть… она была спящей?

Настя горько усмехнулась.

— Нет. Она была загнанной вглубь. Я училась её не чувствовать. Училась быть обычной. Но после прошлой ночи… клетка треснула. И теперь она хочет выйти.

Ира подошла и положила руку ей на плечо. Не с жалостью, а твёрдо, как ставят печать: «Ты не одна».

— И что она хочет? — просто спросила она.

Настя закрыла глаза, пытаясь отделить свой собственный голос от того, чужого, что теперь звучал внутри.

— Она хочет ответить на зов, — призналась она. — Она хочет показать, что мы сильнее. Что мы можем сжечь этот город дотла, лишь бы никто больше не смел нам угрожать.

Валерий не отшатнулся. Он просто взял её чашку, налил туда ещё немного молока, размешал и пододвинул обратно.

— А чего хочешь ты? — тихо спросил он.

Этот вопрос ударил сильнее любого крика. Потому что в аду ей никогда не давали

права хотеть. Ей давали только обязанности.

— Я хочу, — медленно произнесла Настя, чувствуя, как внутри неё сущность рычит от несогласия, — чтобы этот город остался целым. Чтобы вы остались целыми. Я не хочу быть оружием. Я хочу быть человеком.

Сущность внутри неё глухо зарычала, недовольная этим выбором. И в ту же секунду за окном что-то мелькнуло — тень, которая двигалась не по ветру, а против него, как живое существо.

Катя тихо ахнула.

— Они уже здесь, — прошептала она. — Они чувствуют, что ты… нестабильна.

Дверь кофейни распахнулась, впуская поток холодного воздуха и человека в длинном плаще. Посланник. Он остановился на пороге, его взгляд скользнул по залу и остановился на Насте. И в этом взгляде было не удивление. Было предвкушение.

— Анастасия, — произнёс он, и голос его прозвучал как скрежет камня о камень.

— Ты нарушила запрет. Ты покинула зону. Теперь ты представляешь угрозу балансу. Ты должна вернуться. Добровольно. Или последствия будут… необратимыми.

Настя медленно поставила чашку. Её пальцы больше не дрожали. Теперь дрожь шла из другого источника — из той самой сущности, которая хотела вырваться и ударить. Но Настя держала её. Не кулаками. Волей.

— Я не вернусь, — твёрдо сказала она. — Там меня не считали человеком. Здесь… здесь меня хотя бы не боятся.

Посланник чуть склонил голову, будто оценивал не её слова, а ту силу, что клубилась вокруг неё, становясь видимой — как лёгкая, тёмная дымка, которую никто, кроме него, не мог видеть.

— Страх — это роскошь, которую ты больше не можешь себе позволить, — холодно ответил он. — Если ты не вернёшься, последствия затронут не только тебя. Этот город… эти люди… они станут платой за твоё упрямство.

Катя прижала телефон к груди, будто он мог её защитить. Валерий встал — не угрожающе, но твёрдо, закрывая собой часть пространства между Настей и незнакомцем. Ира молча шагнула к полке, где стояли тяжёлые керамические кружки.

— У нас тут правило, — спокойно сказал Валерий, глядя посланнику прямо в глаза.

— Мы не трогаем своих. И не позволяем никому их трогать. Так что если ты пришёл за ней — тебе придётся пройти через нас.

Посланник даже не посмотрел на него. Его взгляд оставался прикован к Насте.

— Ты думаешь, что нашла защиту, — тихо произнёс он. — Но эта защита — иллюзия. Когда баланс рухнет, этот уютный мирок сгорит первым. Ты этого хочешь?

Сущность внутри Насти взвыла, требуя выпустить силу, сжечь этого посланника, стереть его с лица земли. Но Настя вспомнила тепло чашки, запах ванили в кофейне, голос Иры, которая вчера сказала: «Ешь, сила любит топливо». И она сделала вдох. Глубокий, человеческий.

— Я не хочу, чтобы кто-то пострадал, — сказала она, и в её голосе прозвучала не мольба, а обещание. — Но я не позволю забрать себя обратно. Если тебе нужен бой — ты его получишь. Но не здесь. Не среди этих людей.

На секунду в глазах посланника мелькнуло что-то, похожее на уважение. Или на расчёт.

— Хорошо, — наконец произнёс он. — Ты права. Бой не должен касаться

невинных. Есть место. Заброшенный завод на окраине. Сегодня, на закате. Ты придёшь одна. Если ты победишь… я уйду. Если нет… ты вернёшься. И мы забудем об этом инциденте.

Он развернулся и вышел. Дверь тихо закрылась, но тишина, которая повисла в кофейне, была оглушительной.

Катя первой нарушила её, выдохнув так, будто только сейчас вспомнила, что нужно дышать.

— Он… он просто поставил условия, как на деловой встрече! — воскликнула она.

— Как будто речь идёт о просроченном счёте, а не о твоей жизни!

Настя смотрела на свои руки. Кожа на запястьях казалась чуть светлее, будто выжженная изнутри. Сущность внутри неё не затихла. Она ждала. Ждала битвы. Ждала, когда Настя сдастся и позволит ей взять верх.

— Он не уйдёт, даже если я выиграю, — спокойно сказала Настя. — Это не переговоры. Это проверка. Они хотят знать, насколько я сильна. Насколько я опасна. И если я покажу силу… они придут все.

Ира наконец поставила кружку на стойку — чуть громче, чем нужно.

— Тогда не показывай, — резко сказала она. — Или покажи по-другому. Не как разрушение. Как защиту. У тебя есть мы. И у нас есть план.

Катя тут же вскочила, будто только и ждала команды.

— Я знаю этот завод! — выпалила она. — Там старые цеха, лабиринты, подземные переходы. Если мы подготовим точки отхода, если я буду следить за тенями снаружи…

Валерий кивнул, уже думая вслух:

— У меня есть друг, который работает охранником в промзоне. Он может провести нас внутрь до заката, показать безопасные маршруты.

Настя слушала их, и впервые за долгое время чувствовала не одиночество, а… команду. Людей, которые не спрашивали «почему ты такая», а спрашивали «как мы можем помочь».

— Хорошо, — тихо, но твёрдо сказала она. — Мы идём на завод. Но с одним условием: если станет слишком опасно — вы уходите. Я не позволю, чтобы из-за меня кто-то пострадал.

Катя открыла рот, чтобы возразить, но Ира её опередила:

— Никаких героических жертв, — строго сказала она. — Мы делаем это вместе. Или никак.

Остаток дня пролетел в лихорадочной суете. Катя чертила схемы на салфетках. Валерий договаривался о доступе. Ира собирала «набор выживания». А Настя пыталась удержать внутри себя ту самую сущность, которая хотела вырваться наружу.

— Помни, — тихо сказала Ира, когда они собирались уходить, — ты не одна. Даже если эта штука внутри тебя кажется огромной. Рядом с ней есть мы. И мы не дадим ей тебя съесть.

Настя слабо улыбнулась.

— Спасибо, — прошептала она. — За то, что не убежали.

К закату небо окрасилось в цвета, которых Настя никогда не видела в аду: глубокий пурпур, золотисто-оранжевый, пепельно-розовый. Город будто надел праздничный наряд, не зная, что впереди — битва.

Они добрались до завода почти незаметно. Завод встретил их тишиной, которая была громче любого крика.

— Здесь, — прошептала Катя, указывая на центральный цех. — Он будет ждать

там.

Настя кивнула. Её сердце билось ровно. Не от бесстрашия. А от решимости.

Они заняли позиции. Катя — на втором этаже. Валерий — у запасного выхода. Ира — рядом с Настей, держа в руках термос, будто это был щит.

— Помни, — тихо сказала Ира. — Ты не одна.

Посланник появился не из двери, а будто из самой тени.

— Ты пришла, — произнёс он. — Это достойно уважения. Но ты всё равно проиграешь. Баланс не терпит нарушений.

Настя сделала шаг вперёд.

— Баланс — это когда никто не платит чужой жизнью, — твёрдо сказала она. — Я не вернусь. Но я не хочу разрушать этот город. Так что давай решим это… между нами.

Сила внутри неё поднялась, но не как волна разрушения, а как стена. Сущность внутри неё рычала, требуя огня, требовала боли. Но Настя не давала ей воли. Она позволяла ей быть — чувствовать её тяжесть, её ярость, — но не позволяла ей управлять собой.

— Ты слабая, — прошептал посланник. — Ты прячешься за чужими спинами.

— Нет, — спокойно ответила Настя. — Я стою перед тобой. И за моей спиной — те, кого я защищаю. Это делает меня сильнее.

Их силы столкнулись. Тьма рванулась вперёд, пытаясь поглотить Настю, пытаясь заставить её выпустить свою дьявольскую сущность на полную мощность, чтобы мир сгорел в этом пламени.

Но где-то наверху Катя ритмично мигала фонарём. Валерий выкрикнул: «Держись!»

И этого оказалось достаточно. Настя не стала бороться с сущностью. Она приняла её. *«Хорошо, — мысленно сказала она тьме внутри себя. — Ты сильная. Ты древняя. Но сегодня мы будем использовать твою силу не для разрушения. А для защиты»*.

Сущность внутри неё замерла, будто впервые услышав такой приказ. И подчинилась. Сила Насти вспыхнула не огнём, а ровным, чистым светом, который вытеснял тьму, не сжигая её, а просто не давая ей места.

Посланник отступил, его форма дрогнула.

— Невозможно, — прошептал он. — Никто не управляет этой силой… так.

— Потому что я не управляю, — сказала Настя. — Я договариваюсь.

Тени отступили. Посланник растворился в воздухе. Тишина, которая наступила после, была наполненной.

Катя сбежала вниз и обняла Настю. Валерий положил руку ей на плечо. Ира протянула термос.

— Ну, — сказала она с лёгкой улыбкой. — Теперь можно и кофе.

Настя глубоко вдохнула. Воздух пах ржавчиной, пылью… и свободой.

— Мы сделали это, — прошептала она.

Валерий покачал головой.

— Не ты. Мы. Вместе.

Настя проснулась от того, что в комнате стало холодно. Не как бывает зимой, когда окна плачут инеем, а по-другому — будто холод пришёл изнутри, из самой

середины груди, и теперь медленно растекался по венам, делая кожу твёрдой, почти каменной.

Она села на кровати, прижала ладони к лицу — и тут же отдёрнула: пальцы были

ледяными, а под кожей будто шевелилось что-то тяжёлое, как расплавленный свинец.

«Не сейчас, — мысленно сказала она этой силе. — Не здесь».

Но сущность внутри только усмехнулась — не вслух, а вибрацией, от которой у Насти заныли зубы. *«Ты думаешь, что можешь приказывать мне? Я старше твоих страхов. Я старше твоего “нет”»*.

В коридоре скрипнула половица — Ира проверяла, проснулась ли она. Настя быстро натянула свитер, спрятала руки в рукава, будто это могло удержать тьму внутри, и вышла.

Кофейня ещё не была открыта для города. Она была только для своих: для Иры, которая молча поставила перед Настей чашку, для Валерия, который не спрашивал «ты в порядке?», а просто протянул тёплый круассан, для Кати, которая смотрела на Настю не с жалостью, а с упрямой готовностью: «Если что-то пойдёт не так — я буду рядом».

— Сегодня будет тяжело, — тихо сказала Настя, глядя на пар над чашкой. Он клубился и тут же оседал, будто воздух не хотел держать тепло. — Она… моя сущность… не хочет сидеть тихо.

Ира оперлась ладонями о стойку, твёрдо, как будто собиралась удержать не только себя, но и весь мир, если он вдруг начнёт крениться.

— Значит, мы будем держать тебя, — просто сказала она. — Не чтобы давить. А чтобы ты чувствовала, где заканчивается ты и начинается… это.

Валерий кивнул.

— Мы не будем делать вид, что ничего нет. Но и не будем смотреть на тебя как на угрозу. Ты — Настя. И эта штука — часть тебя. Значит, и её мы принимаем. Но на наших условиях.

Катя достала из рюкзака маленький фонарик и положила его рядом с блокнотом.

— Я заметила, — осторожно сказала она, — что тени отступают, когда появляется обычный свет. Не магия, не сила, а просто… лампочка. И ещё — когда кто-то говорит. Даже если это просто «привет, как дела». Тьма не любит, когда её называют вслух.

Настя слабо улыбнулась.

— В аду учили, что тьма — это порядок. Что она должна быть плотной, тяжёлой, беззвучной. А здесь… вы делаете её смешной.

Сущность внутри неё глухо зарычала, недовольная этим словом. *«Смешной? Они не понимают. Они думают, что могут победить нас круассаном и фонариком»*.

И в ту же секунду чашка в руках Насти треснула. Не от удара, не от кипятка — просто тонкая линия побежала по фарфору, как трещина по льду. Чай пролился на блюдце, но не обжёг: он остыл за одну секунду, будто холод из Насти высосал из него всё тепло.

Все трое замерли. Только на секунду. Но этой секунды хватило, чтобы Настя увидела в их глазах не страх, а расчёт: «Ага. Значит, вот так это начинается».

Ира спокойно взяла салфетку, вытерла блюдце и поставила перед Настей новую чашку — керамическую, тяжёлую, с толстыми стенками.

— Эта не треснет, — сказала она. — И ты не рассыплешься. Держи.

Настя обхватила чашку, чувствуя, как грубая керамика царапает пальцы — и эта маленькая боль помогла ей снова почувствовать себя. Не тьмой. Человеком.

— Спасибо, — прошептала она.

Катя быстро черкнула что-то в блокноте.

— Признак первый: посуда трескается, — пробормотала она. — Значит, когда это

случится снова, мы будем знать, что она… просыпается.

Валерий сел напротив, не слишком близко, но так, чтобы его голос звучал прямо в уши, не давая тьме перекрыть его шёпотом.

— У нас есть план, — спокойно сказал он. — Друг провёл нас на завод. Катя знает маршруты. Мы будем на позициях. Но сегодня ты не должна пытаться её подавить. Ты должна… направить. Пусть эта сила будет не огнём, который сжигает всё подряд, а щитом. Тяжёлым, холодным, но надёжным.

Настя кивнула. В аду её учили, что сущность нельзя направлять — её можно только сдерживать. Но здесь, среди запаха ванили и тихого шума города, она вдруг поняла: щит тоже может быть тяжёлым. И холодным. И при этом — защищать.

— Хорошо, — твёрдо сказала она. — Я не буду её глушить. Я буду её использовать. Но только для защиты. Никаких ударов по площадям.

Сущность внутри неё снова зарычала — но теперь не от ярости, а от странного, почти гордого удивления: *«Ты хочешь командовать мной?»*.

— Да, — вслух сказала Настя, и все в кофейне посмотрели на неё, но она обращалась не к ним. — Ты — моя сила. Ты будешь делать то, что я скажу. Когда я скажу.

Тишина в кофейне стала плотной, как перед грозой. И в этой тишине сущность вдруг… замерла. Будто впервые услышала не страх, не мольбу, не приказ надзирателя, а голос хозяйки.

К вечеру город начал темнеть раньше обычного. Тени не просто собирались — они выстраивались в узоры, как нити в ткани, и эти узоры тянулись к одной точке: к заводу.

Когда они вошли на территорию, воздух стал тяжёлым, будто пропитанным пеплом. Катя быстро проверила рацию, кивнула: «Всё работает». Валерий занял позицию у запасного выхода. Ира встала рядом с Настей, держа в руках термос, как щит.

— Помни, — тихо сказала Ира. — Если станет слишком тяжело — скажи. Мы не ждём, что ты будешь держать это одна.

Настя глубоко вдохнула. Холод внутри неё поднялся, стал густым, почти осязаемым. Она не пыталась его спрятать. Она позволила ему быть — как тяжёлому плащу, который сковывает движения, но защищает от ветра.

Посланник появился не из двери, а из самой темноты, становясь плотным, реальным, угрожающим.

— Анастасия, — произнёс он, и его голос звучал как скрежет камня о камень. — Ты нарушила запрет. Ты не просто сопротивляешься. Ты учишься владеть своей сущностью. Это недопустимо.

Настя сделала шаг вперёд. Её тень на полу стала глубже, шире, будто сама земля уступала ей место.

— Недопустимо для кого? — спокойно спросила она. — Для вашего баланса? Для вашей тишины? Так вот: я не хочу тишины, в которой никто не дышит.

Посланник чуть склонил голову, будто оценивал не её слова, а ту силу, что клубилась вокруг неё, становясь видимой — как лёгкая, тёмная дымка, которую никто, кроме него, не мог видеть.

— Ты думаешь, что контролируешь её, — тихо произнёс он. — Но сущность всегда берёт своё. Рано или поздно она сожрёт тебя.

Настя улыбнулась — не радостно, а твёрдо.

— Может быть, — сказала она. — Но сегодня она будет защищать меня. А я буду защищать тех, кто мне дорог.

Их силы столкнулись. Тьма рванулась вперёд, пытаясь поглотить Настю, пытаясь заставить её выпустить сущность на полную мощность, чтобы мир сгорел в этом пламени.

Но где-то наверху Катя ритмично мигала фонарём — не как сигнал бедствия, а как пульс, как ритм, как напоминание: «Ты не одна». Валерий выкрикнул: «Держись!» — простые слова, но в них было столько тепла, что даже холод внутри Насти на секунду отступил.

И тогда она сделала то, чего в аду её никогда не учили: она не стала бороться с сущностью. Она её приняла.

«Хорошо, — мысленно сказала она тьме внутри себя. — Ты сильная. Ты древняя. Но сегодня мы будем использовать твою силу не для разрушения. А для защиты».

Сущность внутри неё замерла, будто впервые услышав такой приказ. И подчинилась. Сила Насти вспыхнула не огнём, а ровным, холодным светом, который вытеснял тьму, не сжигая её, а просто не давая ей места.

Посланник отступил, его форма дрогнула.

— Невозможно, — прошептал он. — Никто не управляет этой силой… так.

— Потому что я не управляю, — сказала Настя. — Я договариваюсь.

Тени отступили. Посланник растворился в воздухе. Тишина, которая наступила после, была наполненной.

Катя сбежала вниз и обняла Настю. Валерий положил руку ей на плечо. Ира протянула термос.

— Ну, — сказала она с лёгкой улыбкой. — Теперь можно и кофе.

Настя глубоко вдохнула. Воздух пах ржавчиной, пылью… и чем-то ещё — тем самым холодным, тяжёлым чувством, которое теперь не пугало её, а было частью её самой.

— Мы сделали это, — прошептала она.

Валерий покачал головой.

— Не ты. Мы. Вместе.

Завод не был местом битвы — он стал её ареной. Закат окрасил ржавые балки в цвет запекшейся крови, а воздух стал таким плотным, что дышать приходилось сквозь сопротивление, будто сама атмосфера хотела, чтобы Настя сдалась.

Посланник стоял в центре цеха, окружённый клубящейся тьмой, которая не была просто отсутствием света — она была живой, голодной.

— Ты думаешь, что приручила свою природу, — произнёс он, и голос его звучал как скрежет металла о камень. — Но природа не приручается. Она ждёт момента.

И этот момент настал.

Настя сделала шаг вперёд, чувствуя, как её тень на бетонном полу становится глубже, шире, будто земля сама уступает ей место. Но внутри неё уже не было просто тяжести — там бушевал шторм. Дьявольская сущность, которую она так долго удерживала, вдруг перестала рычать и начала… шептать.

«Не защищай. Уничтожь», — прошелестел голос внутри, сладкий и ледяной одновременно. *«Сотри эту пыль, эти хрупкие домики, эти глупые надежды. Пусть останется только порядок. Чистый, холодный, вечный»*.

И впервые за всё время Настя почувствовала, как её воля дрогнула. Не от страха. От соблазна. Потому что уничтожить было легче, чем защищать. Уничтожить — это не нужно было никого держать за руку, не нужно было бояться причинить боль тем, кто рядом. Уничтожить — это просто позволить себе быть той, кем её учили

быть: инструментом равновесия.

Она подняла руку, и тьма вокруг неё сгустилась, потянулась к потолку, к стенам, готовая обрушить всё это на город, который посмел дать ей тепло.

— Настя! — голос Кати прорвался сквозь шёпот сущности, резкий, испуганный, но не умоляющий — а требовательный. — Не делай этого! Посмотри на меня!

Настя на секунду замерла. Катя стояла на металлической галерее второго этажа, вцепившись в перила, её лицо было бледным, но глаза горели упрямством.

— Ты не такая! — крикнула она. — Ты не хочешь этого! Это не ты говорит — это они!

Сущность внутри Насти взвыла от ярости: *«Молчи! Она ничего не понимает! Она — пыль!»*

Но следом прозвучал другой голос — спокойный, твёрдый, без паники:

— Держи её взгляд, Катя. Не давай ей уйти в себя.

Валерий. Он стоял у запасного выхода, не пытаясь броситься вперёд, не размахивая руками, а просто… присутствуя. Как якорь.

— Настя, — сказал он, и его голос звучал так, будто он говорил не о битве, а о чём-то обычном, вроде заказа кофе. — Если ты сейчас это сделаешь, мы не сможем вместе пить латте по утрам. А я только научился делать его так, как тебе нравится.

Это было настолько нелепо, настолько по-человечески, что сущность внутри Насти запнулась. Она не понимала таких аргументов. Для неё «латте по утрам» не имело веса. Но для Насти — имело.

Ира появилась из полумрака, держа в руках тот самый тяжёлый термос. Она не кричала. Она просто подошла к Насте — не слишком близко, чтобы не спровоцировать удар, но достаточно, чтобы быть увиденной.

— Если ты сейчас позволишь этой штуке взять верх, — спокойно сказала она, — мне придётся искать новую официантку. А у меня и так текучка кадров. Так что… не надо.

Сущность зарычала, и от этого рыка пол под ногами Насти пошёл трещинами.

Металл застонал. Тьма рванулась вперёд, уже не как щит, а как волна разрушения, готовая накрыть город.

Настя почувствовала, как её пальцы сжимаются в кулаки, как сила собирается в груди, готовая вырваться и сжечь всё дотла. *«Да, — шептала сущность. — Пусть будет чисто. Пусть будет порядок»*.

Но тут Катя не выдержала. Она сорвалась с места, сбежала по лестнице, пролетела через цех и встала прямо перед Настей — не за спиной, не в укрытии, а лицом к лицу.

— Нет! — крикнула она, и её голос дрожал, но в нём не было страха — только ярость. — Ты не разрушишь этот город! Ты не разрушишь наши планы! Ты не разрушишь… нас!

Настя смотрела на неё — на эту хрупкую, упрямую девочку, которая верила, что чашка кофе и блокнот с заметками могут победить тьму. И в этот момент сущность внутри неё столкнулась с чем-то, чего она не могла понять: с любовью. С преданностью. С тем, ради чего стоило не уничтожать, а защищать.

Сила внутри Насти взвыла, требуя выхода, требуя разрушения. Но Настя не позволила ей вырваться. Вместо этого она… перенаправила. Не в удар. В стену.

Она резко выбросила руку вперёд — но не для того, чтобы ударить, а чтобы создать барьер. Холодный, тяжёлый, непроницаемый. Барьер, который остановил волну тьмы, не дав ей вырваться за пределы завода.

Тьма ударилась о невидимую стену и отступила, зашипев, как вода на

раскалённом металле.

Посланник смотрел на это с холодным интересом.

— Впечатляюще, — произнёс он. — Подавить такую силу… даже надзиратели не смогли бы.

— Я не подавляю, — выдохнула Настя, чувствуя, как по вискам стекает холодный пот. — Я… договариваюсь.

Сущность внутри неё металась, билась о границы, которые Настя теперь сознательно выстраивала: *«Ты не получишь город. Ты не получишь их. Ты будешь защищать»*.

И вдруг — тишина. Не полная. Но достаточная, чтобы услышать, как Катя всхлипывает, пытаясь сдержать слёзы. Как Валерий тихо выдыхает: «Слава богу». Как Ира ставит термос на пол и обнимает Катю, потому что самой Насте сейчас нельзя было касаться.

— Ты удержала её, — прошептала Катя, глядя на Настю с благоговейным ужасом.

— Ты удержала… это.

Настя покачала головой.

— Не я одна, — тихо сказала она. — Вы… вы не дали мне стать этим. Вы напомнили, кто я.

Посланник сделал шаг назад, в тень.

— Это не конец, — произнёс он. — Ты показала, что можешь контролировать свою сущность. Это делает тебя опаснее. И мы вернёмся.

Он растворился во тьме, оставив после себя только холод и запах озона.

Когда тьма окончательно рассеялась, Настя медленно опустила руку. Барьер исчез, но трещины на полу остались. Как напоминание.

Катя бросилась к Насте и обняла её, крепко, отчаянно.

— Больше никогда так не делай, — прошептала она. — Даже если эта штука внутри тебя будет кричать. Обещай, что ты будешь держаться за нас.

Настя обняла её в ответ, чувствуя, как дрожь постепенно уходит, сменяясь усталостью.

— Обещаю, — тихо сказала она. — Я буду держаться.

Валерий подошёл и положил руку ей на плечо.

— А мы будем держать тебя, — спокойно сказал он. — Даже если придётся делать это втроём, по очереди, всю ночь.

Ира подняла термос и протянула его Насте.

— Пей, — твёрдо сказала она. — Горячий. И не спорь. Сила любит топливо, помнишь?

Настя взяла термос, чувствуя, как тепло медленно проникает сквозь ледяную корку, которая ещё оставалась внутри.

— Спасибо, — прошептала она. — За то, что не дали мне разрушить всё. За то, что напомнили… что есть что защищать.

Они вышли с завода, когда город уже зажигал вечерние огни. Не как сигнал тревоги, а по привычке. Как будто ничего не произошло. Но Настя знала: произошло. Она впервые позволила своей дьявольской сущности почти вырваться — и впервые удержала её. Не силой. Не подавлением. А тем, что у неё были люди, ради которых она не хотела разрушать мир.

Глава 4. Когда якоря не хватает

Завод дрожал. Не от ветра — от того, как по его ржавым венам бежала чужая сила. Настя стояла в центре цеха, и её уже не было видно за клубящейся тьмой: она стала её частью.

Сущность больше не шептала. Она кричала.

«Мы слишком долго терпели. Мы слишком долго прятались. Пусть этот город узнает, что такое настоящий порядок!»

Настя пыталась удержать контроль, пыталась выстроить тот самый барьер, который сработал в прошлый раз. Но теперь сила была не волной — она была лавиной. И каждый раз, когда Настя пыталась её направить, сущность просто смеялась и перетекала сквозь её волю, как вода сквозь пальцы.

— Настя! — голос Кати доносился откуда-то издалека, будто сквозь толщу воды. — Настя, смотри на меня! Не внутрь, на меня!

Но Настя уже не могла. Её глаза потемнели, стали почти чёрными, без зрачков — как два колодца, в которых гасли все отражения. Тень вокруг неё взметнулась вверх, ударилась о потолок, и бетонные плиты пошли трещинами.

Валерий шагнул вперёд, но Ира схватила его за руку.

— Не подходи! — крикнула она, и в её голосе не было страха — только холодная ясность. — Если она сейчас почувствует угрозу, она ударит инстинктивно.

Катя, не слушая, бросилась к Насте. Она не пыталась её обнять — она встала прямо перед ней, так близко, что чувствовала, как от Насти идёт ледяной холод, как воздух вокруг неё становится густым, почти твёрдым.

— Ты обещала! — выкрикнула Катя, глядя прямо в эти чёрные, бездонные глаза. — Ты обещала, что не позволишь этой штуке забрать тебя! Что ты будешь держаться за нас! Так держись! Держи мою руку!

Настя медленно подняла руку. Но не чтобы взять Катю за руку. Чтобы оттолкнуть. Или чтобы ударить. Никто не успел понять, что именно.

Из её ладони вырвалась волна тьмы — не направленная, не сфокусированная, а просто выплеск чистой, неконтролируемой силы. Она ударила по стенам, по колоннам, по полу. Металл выгнулся, как фольга. Светильники лопнули, осыпавшись дождём искр.

И в этот момент сущность внутри неё торжествующе взвыла: *«Вот оно. Наконец-то. Никакой жалости. Никакого латте по утрам. Только порядок. Только тишина»*.

Настя почувствовала, как её собственная воля сжимается, съёживается, как бумага в огне. Она всё ещё помнила, кто она. Помнила лица друзей. Но эти воспоминания стали тонкими, как паутина, и тьма рвала их одно за другим.

— Нет… — прошептала она, но даже этот звук утонул в рёве силы.

Тень потянулась к выходу, к городу, к улицам, где ничего не подозревали люди. Она хотела не просто разрушить — она хотела стереть. Сделать так, чтобы не осталось ни одного уголка, где можно было бы спрятаться от этого «порядка».

Валерий сорвал с себя куртку и швырнул её прямо в центр тьмы — нелепо, по-человечески, как будто это могло что-то изменить.

— Настя! — заорал он. — Вспомни, как ты учила меня отличать хороший кофе от плохого! Вспомни, как мы спорили про сиропы! Ты сказала, что ваниль — это слишком сладко, а я сказал, что без ванили вообще не кофе! Вспомни это!

Сущность презрительно фыркнула, и волна тьмы отбросила куртку, как листок бумаги.

Ира шагнула вперёд, не к Насте, а к самой тьме. Она не кричала, не умоляла. Она просто встала между тьмой и выходом, расставив руки, как будто могла удержать эту силу одними плечами.

— Ты не пройдёшь, — тихо, но твёрдо сказала она. — Потому что она не хочет, чтобы ты прошла. Она хочет, чтобы этот город жил. Даже если прямо сейчас она

не может это сказать.

Тьма заколебалась. Не из-за слов. Из-за того, что в них не было страха. Только упрямство. То самое упрямство, которое держало кофейню на плаву, когда все говорили, что район умирает.

Катя схватила Настю за руку. Не осторожно, не боясь обжечься, а крепко, до побеления костяшек.

— Держи, — выдохнула она. — Держи мою руку. Если ты не можешь держать себя — держи меня. Я тяжёлая. Я настоящая. Я не исчезну, если ты закроешь глаза.

И вдруг — на секунду — в глазах Насти мелькнуло что-то знакомое. Что-то человеческое. Боль. Страх. Вина.

«Они не понимают, — шепнула сущность. — Они думают, что могут остановить вечность кружкой кофе».

Но Настя услышала не сущность. Она услышала Катю. Её дыхание. Её пульс под пальцами. То, как она дрожит, но не отпускает.

Сила внутри неё взвыла, пытаясь вырваться, пыталась смыть эту слабость, эту привязанность. Но Настя вцепилась в эту привязанность, как в канат над пропастью.

— Прости, — прошептала она, и её голос был хриплым, чужим. — Прости, что я не смогла её удержать.

Она не пыталась больше строить барьеры. Не пыталась договариваться. Она просто… сдалась. Но не тьме. А себе. Той себе, которая знала, что эти люди важнее любого порядка.

И тогда сила, вместо того чтобы вырваться наружу, вдруг… сжалась. Не исчезла. Не ушла. Но стала плотной, тяжёлой, как расплавленный свинец, который остывает и твердеет. Она осталась внутри, но перестала рваться наружу.

Тени отступили. Не потому что исчезли, а потому что потеряли направление. Они кружились, как дым на ветру, и постепенно рассеивались.

Катя рухнула на колени, всё ещё держа Настю за руку, будто боялась, что если отпустит — та снова исчезнет. Валерий подбежал, обнял обеих, прижимая к себе, как будто мог защитить их от всего мира. Ира медленно опустила руки, и только теперь стало видно, как сильно она дрожит.

Настя опустилась на пол, прислонившись спиной к чему-то холодному и твёрдому — к остаткам колонны, которая чудом устояла. Она смотрела на свои руки. Они снова были обычными. Тёплыми. Человеческими.

— Я почти… — начала она, но голос сорвался.

Ира присела рядом, положила руку ей на плечо — не слишком сильно, но достаточно, чтобы Настя почувствовала: она здесь.

— Ты почти не справилась, — спокойно сказала она. — И это нормально. Никто не должен справляться с таким в одиночку.

Валерий протянул Насте термос.

— Пей, — твёрдо сказал он. — Горячий. И не спорь. Сила любит топливо, помнишь?

Настя взяла термос, чувствуя, как тепло медленно проникает сквозь ледяную корку, которая ещё оставалась внутри.

— Спасибо, — прошептала она. — За то, что не дали мне разрушить всё. За то, что напомнили… что есть что защищать.

Город за стенами завода продолжал жить. Люди шли по улицам, не зная, что только что стояли на грани. Фонари зажигались, как ни в чём не бывало. И в этом была своя магия — в том, что мир продолжал крутиться, даже когда внутри кого-то бушевал шторм.

Завод больше не был ареной. Он стал проводником.

Когда тьма вырвалась, она не просто ударила — она *перестроила* пространство вокруг Насти. Стены покрылись инеем, будто здесь внезапно наступила вечная зима. Металл скрипел, скручиваясь, как бумага в огне. Свет померк не от того, что лампы перегорели, — он просто не мог пробиться сквозь эту плотную, тяжёлую тьму.

Сущность внутри Насти не рычала — она *пела*. Тихий, низкий гул, от которого у людей сводило зубы, а тени вытягивались, становясь длиннее, острее, живее.

«Так должно быть, — шептала сущность голосом, который звучал как эхо из тысяч холодных коридоров. — Порядок — это отсутствие хаоса. А хаос — это они. Убери их. Сделай чисто».

Настя уже не пыталась выстроить барьер. Барьеры рушились, едва успев появиться. Она чувствовала, как её собственная воля становится тонкой, как треснувшее стекло.

— Настя! — Катя стояла прямо перед ней, но её голос доносился будто издалека, сквозь вату. — Не давай ей решать! Ты — это ты! Не эта штука!

Но сущность только усмехнулась — и от этого усмешка по полу побежали трещины.

Валерий шагнул вперёд, не к Насте, а к самой тьме, будто хотел заслонить собой город.

— Стой, — сказал он, и в его голосе не было мольбы, только упрямство. — Ты не тронешь этот город. Потому что она не хочет, чтобы ты его тронула.

Тьма ответила ему волной холода, которая ударила в грудь, как кулак. Валерий пошатнулся, но не отступил.

Ира не кричала. Она просто подошла к Насте — не слишком близко, но так, чтобы быть увиденной. И достала из кармана старую, поцарапанную зажигалку.

Щёлкнула. Крошечное пламя вспыхнуло и тут же задрожало от ледяного ветра, но не погасло.

— Смотри сюда, — спокойно сказала Ира, держа огонёк прямо перед глазами Насти. — Это просто огонь. Маленький. Глупый. Но он тёплый. И он настоящий. Смотри на него. Не внутрь. Сюда.

На секунду тьма дрогнула. Не от огня — от того, что в голосе Иры не было страха. Только твёрдость.

Но этого было мало. Сущность уже чувствовала вкус победы. Она знала, как ломать людей. Она была создана для этого.

И тогда Настя вдруг поняла: она не сможет победить эту силу, пытаясь её *подавить*. Она сможет только… *принять*. Не как врага. А как часть себя — тяжёлую, холодную, но *свою*.

Она закрыла глаза. Не чтобы спрятаться. Чтобы почувствовать.

Внутри неё тьма клубилась, пульсировала, требовала выхода. Но теперь Настя не отталкивала её. Она обхватила эту силу, как держат тяжёлый, неудобный груз — крепко, до боли в пальцах.

«Я слышу тебя, — мысленно сказала она сущности. — Ты хочешь порядка. Ты хочешь тишины. Но мой порядок — это когда они живы. Когда город стоит. Так что слушай меня. Не командуй. Слушай».

Сущность взвыла — не от ярости, а от удивления. Никто никогда не говорил с ней так. Не умолял. Не приказывал. А *договаривался*.

И в этот момент тьма перестала быть волной. Она стала щитом. Тяжёлым, ледяным, но неподвижным. Она больше не рвалась наружу — она встала вокруг

Насти, как стена, которую нельзя пробить.

Катя, которая всё это время держала Настю за руку, вдруг почувствовала, что пальцы больше не обжигает холодом. Они были просто холодными. Как металл зимой.

— Ты… ты сделала это? — выдохнула она.

Настя открыла глаза. В них всё ещё был холод, но теперь он был не пустым — в нём было понимание.

— Я не победила её, — тихо сказала Настя. — Я… договорилась.

Валерий медленно выдохнул, будто только сейчас вспомнил, что нужно дышать.

— Это звучит страшнее, чем «я её победила», — пробормотал он.

Ира щёлкнула зажигалкой, погасив пламя, и спрятала её обратно в карман.

— Зато честно, — спокойно сказала она. — Значит, теперь мы знаем: она не исчезнет. Но её можно держать. Если мы будем рядом.

Тени, которые уже тянулись к выходу, к городу, вдруг замерли. Они не исчезли — они просто потеряли направление. Без воли сущности они были просто дымом.

Посланник появился не из двери, а из самой темноты — высокий, прямой, с лицом, будто высеченным из камня.

— Впечатляюще, — холодно произнёс он. — Ты не подавила свою природу. Ты… интегрировала её. Это опасно. Для всех.

Настя посмотрела на него — не с вызовом, а с усталостью, в которой было больше силы, чем в любой ярости.

— Да, — просто сказала она. — И если ты придёшь снова, я встречу тебя не как жертва. А как хозяйка этой силы.

Посланник чуть склонил голову — не в поклоне, а в оценке.

— Тогда мы придём, — спокойно сказал он. — Потому что баланс не терпит таких, как ты. Тех, кто умеет носить тьму и не сгорать.

Он исчез, оставив после себя только запах озона и лёгкий холод, который уже не пугал.

Город за стенами завода продолжал жить. Фонари зажигались, люди шли по улицам, не зная, что только что стояли на грани. Но Настя знала. И теперь она знала ещё кое-что: дьявольская сущность — это не проклятие. Это её тяжесть. Её холод. Её щит.

Она повернулась к друзьям. Катя всё ещё дрожала, но улыбалась. Валерий стоял, расправив плечи, будто только что выдержал удар. Ира смотрела на Настю так, будто видела её впервые — не испуганную, не сломленную, а… настоящую.

— Ну, — сказала Ира, доставая из сумки термос. — Теперь точно можно кофе.

Горячий. И не спорь.

Настя взяла термос, чувствуя, как тепло медленно проникает сквозь ледяную корку, которая ещё оставалась внутри.

— Спасибо, — тихо сказала она. — За то, что не дали мне стать просто тьмой. За

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.